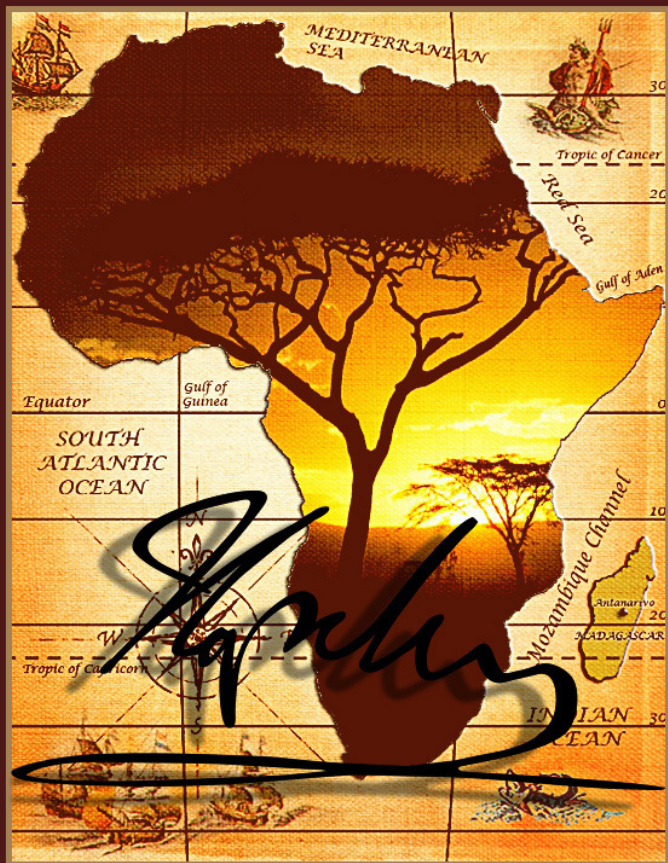

Тосэкзатен

Василий Панфилов

Василий Сергеевич Панфилов

Госэкзамен

Серия «Россия, которую мы...», книга 8

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67285001
В. С. Панфилов. Госэкзамен:*

Аннотация

Падают Титаны, обращаясь в прах, меняются части Великого Механизма, и ведущие роли начинают играть совсем другие народы и Идеи.

Русским Кантонам предстоит выдержать важнейший экзамен, в котором будет решаться – станет ли территория полноценным государством. Враги говорят, что Кантоны скроены на живую нитку и не выдержат испытания, а лидеры новорожденного государства молчат, но планы у них...

...Наполеоновские!

Содержание

Пролог	5
Первая глава	11
Вторая глава	32
Третья глава	48
Четвёртая глава	73
Пятая глава	98
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Василий Панфилов

Госэкзамен

Василий Сергеевич Панфилов

* * *

Пролог

Международная политика представляется иногда неким подобием часового механизма, все части которого скрупулёзно выточены искусным мастером и подогнаны затем с ювелирной точностью. Заведённые Мастером, движутся эти части с невообразимой синхронностью, подталкивая человечество вперёд, в неизбежно светлое будущее.

Тик-так... стрелочки событий движутся, отсчитывая времена и эпохи. Меняется Мастер, и ключом для завода часов становится не религия, но экономика или некая Идея. Потом снова религия... а впрочем, часовых ключей может быть несколько!

Порой деталь изнашивается в войнах, эпидемиях и Революциях, и Мастером меняется шестерня или часовая пружина, после чего механизм продолжает отсчитывать время, как ни в чём ни бывало. А изношенная деталь, будь-то страна, религия или народ, ржавеет на свалке Мировой Истории.

Если смотреть с позиции Вечности, часовой механизм по-прежнему отсчитывает время и мягко, но неотвратимо подталкивает человечество вперёд. Давно уже нет тех, Изначальных деталей Первых Часов. Народы, религии и страны проржавели до атомов, стали прахом веков и обратившись в небытие.

Но часовой механизм международной политики по-преж-

нему отсчитывает время, и некоторым, отчасти сакральным образом, это всё тот же изначальный механизм. Что с того, что все детали многократно переменились? Несущественная мелочь... с точки зрения Вечности.

Механизм может стать проще или сложнее, измениться дизайн корпуса, и тогда устаревшие детали-народы отправляются на свалку Истории... Если только Мастер не окажется рачительным, и не смахнёт их в коробочку с древними народами и государствами, поставив на обочину Истории и припорошив пылью веков.

Через века или тысячелетия их могут достать, сдуть прах времён и снова вставить в Великий Механизм. А мнение деталей... право слово, смешно.

Есть и другая точка зрения, сторонники которой видят международную политику таким театром, где зрители могут наблюдать согласованную работу актеров на сцене, но никак не театральное закулисье! На сцене высокие чувства, заставляющие сопереживать происходящему и верить... верить героям, и разумеется – верить в актёров!

Это не обыватели, думающие только о хлебе насущном, а люди идеи, искусства... Они живут эмоциями, сценой, аплодисментами зрителей!

А на деле, в зрительном зале могут только догадываться о том, что за кулисами разворачиваются десятки спектаклей разом. Алчность, алкоголь и наркотики, тщеславие и психи-

ческие отклонения, сексуальные девиации и Бог весть, что ещё!

Заключаются союзы, подчас противные самому естеству, но...

... всё ради Искусства! А ещё – ради денег, тщеславия, желания войти в Историю и просто... от скуки.

Самый важный человек в театре Международной Политики, это режиссёр...

... или может быть, драматург? А может, ведущие актёры театра, своим талантом способные вытянуть даже бездарный спектакль?

Отдельно, особняком стоит театральный продюсер – человек, без которого вряд ли состоялся бы спектакль. Вечно в тени, за кулисами, незнакомый и совершенно неинтересный зрителям. Организатор. Серый кардинал.

Иногда за его спиной стоит спонсор, на деньги которого и ставится спектакль...

Должности эти могут переплетаться самым причудливым образом, и порой режиссёр обходится без спонсора и даже без продюсера, разрываясь на части и делегируя части полномочий подчинённым. Порой – режиссёром становится спонсор, компенсируя нехватку таланта финансовыми возможностями.

Возникают зависимости и созависимости, закручивающиеся клубком интриг и политических противоречий, продуманных шахматных комбинаций на десяток ходов вперёд,

шулерских приёмов и психологического давления.

... а в зрительном зале искренне сопереживают происходящему на сцене, живя чужими, наигранными эмоциями. Умелый режиссёр, талантливые актёры, правильно подобранные декорации...

... и зрители, готовые переживать надуманным страстям. Желательно – зрители неискушённые, с восторгом неопита взирающие театрализованному политическому действу.

Как вариант – зрители, фанатеющие от любимых актёров и режиссёров, прикормленные, мнящие себя знатоками политических миражей. Единожды пригубив наркотического вина политического театра, они не утруждают себя глубоким анализом спектакля, и жаждут лишь зрелищ.

Некоторых из них допускают за кулисы, в святая святых, но...

... в точно рассчитанные моменты. Они видят не безобразные свары и подлейшие поступки, а волнение коллектива перед спектаклем или усталость – после него. Зрители чувствуют себя причастными... и не понимают, что это тоже – спектакль!

Считая себя тонкими знатоками и людьми без сомнения посвящёнными, они пишут нужные, правильные статьи и говорят нужные вещи...

... лишь немного упрощая и искажая видимые им реалии. Как правило, из лучших побуждений, потому что... ну в са-

мом деле, зачем филистеру¹ вдаваться в тонкости политики? Незачем... да и скучно будет!

Другие упрощают ситуацию и чуть-чуть иначе расставляют акценты, мня себя людьми посвящёнными, причастными к неким Тайнам. Информация подаётся дозированно, выверено и на все вкусы. Это называется...
... собственное мнение!

Есть и актёры второго плана, которые жаждут стать ведущими, и право слово, некоторым из них стоило бы дать шанс! Есть художники-декораторы, осветители и даже рабочие сцены, и кто осмелится сказать, что их труд ничтожен?

Они тоже вступают в альянсы, любят и ненавидят, дружат и враждуют... и их не стоит недооценивать. Песчинки, прах под ногами Великих. Вот только редко кого из них устраивает роль мусора, налипшего на подошву Всемирной Истории! Большинству из них суждено сгинуть под пятой Истории, перемоловшись до праха, до атомов и растворившись в небытие. Но иногда песчинкам...

... рабочим сцены...

... актёрам второго плана...

... малым народам...

... идеям...

---

¹ Филистер – презрительное название человека с узкими взглядами, преданного рутине; самодовольного мещанина, невежественного обывателя, отличающегося лицемерным, ханжеским поведением.

... и государствам удаётся договориться! Складывается пазл из осколков удачи и терпения, национального характера и трудолюбия, финансов...

... и бешеного, неукротимого желания стать чем-то большим, нежели пыль под ногами!

Падают Титаны, обращаясь в прах, меняются части Великого Механизма, и ведущие роли начинают играть совсем другие народы и Идеи.

Первая глава

Газетные строчки тлеют огнём будущих пожарищ, воняют неубранными с полей сражений трупами, звучат надрывающими душу бравурными военными маршами и вколачиваются в мозг речами будущих победителей, уже начавших передел территорий, экономики и сфер влияния.

Война! Славная, победоносная, справедливая! Она ещё не началась, но подготовка к ней ведётся полным ходом, и уже сейчас можно предсказать накал ненависти, всеобщего озвещения и готовности умереть, вцепившись из последних сил в горло Врагу.

Всегда – с Большой Буквы. Исконный, страшный... и между строк читается – Враг рода Человеческого.

В роли Человечества – читатель, его родные и близкие, его народ и страна. Нация. Он, Читатель, воплощение всех мыслимых добродетелей, а недостатки подаются столь лестным образом, что само их наличие говорит исключительно о высоких нравственных и моральных качествах лучших представителей Человечества.

О союзниках пишут комплиментарно, но непременно с душком. Чуть-чуть... ровно настолько, чтобы Читатель покачивал снисходительно головой, читая о них, и пропитывался ощущением собственного и национального совершенства. Они, союзники, тоже представители Человечества, но

представители второстепенные, запасные.

Противник – расчеловечивается, кастрируется морально и интеллектуально. В газетах – призывы уничтожить, растоптать, стереть с лица Земли! Никакой пощады Врагу!

Война уже началась и первые выстрелы уже прозвучали – с газетных разворотов, с парламентских трибун, со страниц спешно печатаемых книг. Басовито рявкают гаубицы политических партий, на прямую наводку выкатываются радикалы и националисты всех мастей, пулемётными очередями статей стреляют газеты. Война разгорается с каждым днём, с каждым выступлением политика в поддержку вражды, с каждой статьёй в поддержку грядущих битв.

Роты добровольцев уже заняли позиции в ближайших кабаках, выпуская ругательства и шовинистические высказывания в сторону противника. Боевой дух их высок, и как правило – тем выше, чем меньше шансов отправится на войну лично у них. А пока добровольцы пробуждают пыл недостаточно патриотичным и воспитывают своим примером молодёжь, которой предстоит отправится на позиции, но уже не в кабаки, а в окопы!

Школьные учителя пылают дешёвым казённым патриотизмом, накачивая подрастающее поколение сладкой паточкой государственной пропаганды. Вытряхиваются пропахшие нафталином, старинные, порой откровенно сомнительные истории о Героизме, Чести и Славе. Сомневаться нельзя! Верь!

Умиляйся, роняя на пожелтевшие страницы слёзы и мечтая о такой же славной судьбе и героической гибели, после которой о тебе напишут несколько строк в провинциальной газете. Это ли не счастье!? Это ли не завидная судьба?!

Быть убитым, замученным, умершим в госпитале от ран и тяжёлой болезни, от эпидемии и злого поноса... Список этот почти бесконечен и всегда страшен, но положено – завидовать! Трескучие фразы о том, как "Отрадно и почётно умирать за Отечество²" повсюду, на любой вкус.

Газеты, книги, речи политиков и школьных учителей, разговоры родителей за ужином и книги, рекомендованные для чтения, уроки патриотического воспитания и молебны. Победоносная война! Справедливая! Славная!

Выбирай лозунг, под которым пойдёшь на смерть! Ну?!

Это – государственная политика, политика правящего класса. Людей, которые кричат "Вперёд!", а не "За мной!" и позируют для придворных художников верхом на коне, держа за древко развевающееся знамя, и указуя вперёд перстом или обнажённым клинком. Они не будут лично вести пехотные цепи в атаку, не будут делить окопы с пехотными ротами и кормить вшей, страдая от дизентерии и "траншейной стопы³".

---

² Гораций.

³ Траншейная стопа (окопная стопа) – сезонное заболевание, разновидность отморожения, суть которого заключается в поражении ступней ног из-за продолжительного воздействия на них холода и сырости при вынужденной малоподвижности. Особенно часто траншейная стопа наблюдается в дождливые сезоны

Тяжек их удел... Оставаясь в тылу, они будут ковать Победу в парламентах и тихих чиновничьих кабинетах, вести тяжёлые бои в ресторанах и на званных ужинах, бесконечно страдая от геморроя, похмелья и запора. Скромные герои Тыла!

За свой тяжкий труд, за героические битвы с оппонентами, за раненую алкоголем печень и больной желудок они не попросят от Нации ничего... кроме власти, денег и гарантий, что так будет – всегда! Ныне и присно и вовеки веков⁴! Ведь это они и никто другой выковали Победу, подарив её Нации. Они и есть Государство. Соль нации. Сыны Отечества.

Некоторые из них всё-таки погибнут на войне, и это тот самый случай, когда гибель миллионов – статистика, а смерть одного человека – трагедия! Будут портреты в газетах, украшенные траурным крепом, и погибшие представители элиты будут смотреть на живых с вечным укором.

Они погибли, чтобы жил Ты! Ценой своей жизни...

... именно они, а не миллионы погибших остановили Врага! Они лучшие. Самые светлые, самые чистые...

... и Тебе не дадут это забыть. Никогда. Они Герои, и навсегда останутся в учебниках истории, на парадных портретах и везде, где только возможно. Титаны. Полубоги.

года (ранняя весна или глубокая осень) при температуре выше 0° у военнослужащих, которые длительное время не имеют возможности просушить портянки и обувь в течение своего пребывания в сырых траншеях и окопах.

⁴ Если что, я цитирую не молитву, а просто вставил несколько слов на старославянском, все совпадения – случайны!

Думать иначе – нельзя! Это попытка осквернить Священное, оскорбление Нации и пляска на костях. Святотатец!

Даже если ты сам воевал, терял родственников и друзей, Герои всё равно они, Титаны и Полубоги, а твои родные и ты сам...

... просто выполняли свой Священный Долг! Может быть, тоже героически, но уж точно – не с Большой Буквы! Без упоминания в учебниках истории и без...

... преференций. Её получают родственники тех, Настоящих Героев.

Думать нельзя. Сомневаться нельзя. Задавать вопросы нельзя.

Ради чего мы будем воевать? Честь? Слава? Государственные интересы? Претензии на уровне государств? Долг Родине?

Каким образом интересы частных лиц внезапно оказываются – государственными?!

Какие претензии могут быть у английского рыбака к французскому виноградарю?!

Что успел задолжать нищий, угнетаемый русский крестьянин своему Государству?! Да и своему ли?

... и всё-таки встречаются люди, которые не боятся задавать неудобные вопросы. Листать пожелтевшие, пыльные страницы газет в архивах и делать выписки о Долге, Чести и Государственных Интересах в войнах минувших времён.

А потом, несколькими архивными годами позднее, на со-

седней полке, находят газетные статьи и статистические выписки, показывающие ситуацию как есть. Без Долга, без Чести и очень часто – вопреки реальным Государственным Интересам.

Зато неизбежно всплывают интересы финансово-промышленных групп, у которых всегда имеются имена и фамилии. Почти всегда – те самые, Соль Нации, с портретами в учебниках истории.

Люди, которые не боятся задавать неудобные вопросы, пытаются отделить государственные интересы от клановых. Родину от Государства.

" – Государство, это аппарат управления страной, собранной группой лиц, наделённых властью! – говорят они, – Нужно учиться понимать, где находятся интересы всей страны, а где – группы лиц, осуществляющей управление страной!"

" – Государство и Родина – это не одно и то же!" – вторят им другие.

Где-то их голоса звучат достаточно уверенно, и люди, не боящиеся задавать неудобные вопросы, ведут споры с государственным аппаратом. Разные.

О сути патриотизма, национальных интересах и том, что это эта война может принести народу. Что получают от войны фермеры, шахтёры и рабочие. Снижение налогового бремени? Строительство школ на деньги от репараций и контрибуций? Что?!

Говорят о том, что это война в интересах капиталистов, а трудящимся стоит, получив оружие, повернуть его не на солдат вражеских армий, а на настоящих врагов, заседающих в родных парламентах.

Где-то их голоса звучат еле слышимым комариным писком, и приходится прислушиваться, чтобы услышать мнение, отличное от государственного.

... а где-то иные мнения иметь запрещается!

Политика в моей голове – набатом гудит! Официальное мнение государственных аппаратов разных стран и политических партий, финансово-промышленных групп и отдельных граждан льётся пасхальным перезвоном с газетных страниц, брошюр, докладов и записок.

Одна из гостиных в моём доме целиком отведена под штабную комнату, и везде, на каждом свободном пространстве – информация, информация, информация... Портреты политических деятелей, финансистов и офицеров генштабов. ЮАС, Франция, Британия, Пруссия, Австро-Венгрия, Российская Империя, Япония, Турция и всякая европейская мелочь, вращающаяся в орбите серьёзных игроков.

На стенах, на столах, на стоящих посреди комнаты школьных грифельных досках, на протянутых вдоль и поперёк бечёвках – информация. Финансовые интересы, родственники в других странах, политические симпатии членов семьи, дружеские привязанности, любовные связи, порочные при-

страстия и всё, что мы только можем отыскать.

Иногда написанное на доске стирается, и кто-то из нас, постукивая мелом, пишет новые вводные, а мы ломаем головы и спорим до хрипоты, перекрепляя чуть иначе ниточки-связи, тянущиеся от ключевых личностей политического Олимпа.

Мишка называет это Большой Игрой, а в моей голове огромными коваными гвоздями вбито название...

... "Всемирная Паутина", но о сути происходящего мы никогда не спорим.

... мы просто работаем.

Считается, что я оправляюсь от последствий ранения и заодно занимаюсь творчеством. Я и правда много пишу. Статьи в газетах, переписка с именитыми репортёрами, писателями, политиками, революционерами и финансистами. Со всеми, кто обладает хоть крупицей влияния.

Переписка приватная и дискуссии с оппонентами на газетных страницах. Небрежные письма в несколько строк с намёками на намёки, и многостраничные, юридически безупречные договора.

Я велик и многогранен...

... хотя точнее – мы! Просто так получилось, что на гребне волны сейчас я, и читающая публика охотней прислушивается именно к моим словам.

Целая команда занимается анализом ситуации, выписывает основное в паре абзацев, набрасывает начерно статьи и

письма, а переписываю начисто – я. Ну или надиктовываю, не суть.

Команда... как это грозно звучит и как перекликается со словом "коммандо"! Воображение рисует суровых бородатых мужчин с оружием, а потом, спохватившись – умных, но несколько болезненных людей, непременно в очках! Очки эти грозно сверкают, а сами библиотечные воины способны словесно дать отпор любому политикану!

... а правда куда интересней, чем рисует воображение.

Генштаб ЮАС "течёт". Староверы себе на уме и не оставили мыслей взять реванш. Социалисты стоят на классовых позициях и многие из них считают само существование Государства архаичной настройкой, готовые бросить в топку Мировой Революции весь континент. С иудеями не проще.

Вся наша команда – полтора десятка человек, включая Наденьку, Фиру и учительок. Сила! Мощь!

... а некого больше привлечь.

Да собственно, и не очень-то надо. Мы не подменяем собой правительство, не пытаемся объять необъятное, а просто корректируем какие-то моменты, которые считаем особенно важными. Как можем...

... а можем немного, переоценивать свои силы мы не склонны.

Впрочем, недооценивать нас тоже не стоит.

За Мишкой стоит Сниман и значительная часть Генштаба. Да, там "течёт"... но право слово, Генштаб ЮАС даже в

таким виде даст фору иным европейским коллегам! Заковыка в том, что брат может использовать дай Бог пять процентов этой силищи.

Владимир Алексеевич слишком занят делами Дурбана, чтобы всерьёз участвовать в наших делах, но руку на пульсе событий держит и не стесняется использовать административный ресурс. Впрочем, с ресурсом этим такая же беда, как с Генштабом.

Политические баталии в городском совете переходят подчас в рукопашные схватки, дуэли, перестрелки из засад, убийства, шантаж и прочие реалии провинциальной политики. И мы в этой грязи...

... с головой! Собственно, в этом случае скорее мы получаемся ресурсом для Владимира Алексеевича, а не наоборот.

Но это тот случай, когда деваться некуда, и нам кровь из носа нужно перехватить власть в Дурбане! Ситуация сложилась так, что город – наш, и защищать его предстоит – нам. А власть – пока что – у буров, притом из числа националистов, готовых воевать до последнего русского солдата.

Юлия Алексеевна и Степанида Фёдоровна, то бишь директриса единственной в Дурбане гимназии, и её заместительница – дамы влиятельные, и влияние их сложно переоценить. Правда, за пределами города и отчасти Кантонов это влияние сходит на нет, но и там у нас есть свои люди, например...

... Корнейчуков. Плантадор, революционер, известный писатель и (внезапно!) один из вождей матабеле. Фигура!

Ситуация престранная, и я мог бы сравнить её с шахматной баталией, но...

... пожалуй, всё-таки нет! Это какой-то дурной сеанс одновременной игры в сумасшедшем доме, когда кто-то играет в шахматы, кто-то в шашки, а кто-то и вовсе – в дурака! Вслепую притом.

Дикая, невообразимая смесь тончайших, математических расчётов, интуиции и авось. Я предпочитаю называть это работой подсознания... но хрен редьки не слаще. Думаем, строим козни, а потом оп-па!

... и кто-то из нас говорит:

" – Как хотите, но я считаю..." – и что характерно, половина аргументов в стиле "Я так вижу" и "Ну вы что, не понимаете, што ли?"

... и иногда мы поступаем вразрез с расчётами, по интуиции. Потому что потому. ВотЪ!

У противника, по словам Мишки, ситуация не слишком отличается от нашей. Это только в теории в Генштабах и правительстве великой страны сидят сплошь высокообразованные патриоты, думающие исключительно о Деле и Родине.

На деле же всё как всегда, nepoтизм⁵ процветает. Где-то

---

⁵ Nepoтизм – вид фаворитизма, заключающийся в предоставлении привилегий родственникам или друзьям независимо от их профессиональных качеств (например, при найме на работу).

всё совсем печально, как в богоспасаемом Отечестве. Где-то, например в Пруссии, ситуация более-менее приемлемая, но и там хватает потомков древних фамилий, которых непременно нужно устроить на хорошую, социально приемлемую должность.

Единственное, в Пруссии этих самых потомков развелось столько, что среди идёт нешуточная конкуренция на интересные места... Собственно, за счёт этого страна и не тонет.

Отдельно – Балканы и Османская Империя с извечным бардаком, заговорами и переворотами.

Румыния с территориальными претензиями к соседям.

Польша и Княжество Финляндское, вечно беременные Революциями...

... и прочая, прочая...

Отпустив самокатчика⁶, внешне забавного лопухого парнишку с цокающим акцентом скобара⁷... и жёстким, тяжёлым взглядом человека, познавшего Глад, Мор и Войну, я дождался, пока он выйдет со своим велосипедом за калитку, и только потом вскрыл конверт.

Записку читал прямо на веранде, не заходя в дом. Недавно прошёл дождь, воздух напоён ароматами растений так, что кружится голова, но очень уж сыро, а в помещении да-

---

⁶ Самокатчики – военнослужащие велосипедных (самокатных) формирований вооружённых сил различных государств мира.

⁷ Скобари – уроженцы Пскова и Псковщины.

же несколько душно, не спасают даже настёжь распахнутые окна и крутящиеся вентиляторы под потолком. Если бы не опаска лишних глаз и порывы ветра, перебрались бы с бумагами на веранду, но увы...

— Однако, — поискав глазами одну из пепельниц, которые держу для гостей, сжёг в ней бумаги, и ведомый паранойей, растёр в ладонях пепел. Тяжело (рана всё-таки саднит) усевшись в кресло-качалку, я некоторое время сидел без движения, сматывая обрывки мыслей в один пёстрый клубок.

— Никак не могу привыкнуть, — меланхолично пожаловался я неведомо кому, и встав с кресла, вошёл в дом, пребывая в задумчивости.

— Курьер, — ответил я на невысказанный Надей вопрос, — из Генштаба.

Девочка только кивнула молча, и хотя её мучает неуголимое женское любопытство, она уже знает, что несмотря на доверие, некоторые тайны умрут вместе со мной. Ведомая инстинктами, она пытается иногда молочными зубками, как бы играясь, прокусить броню чужих секретов, и бывает, обижается немного на молчание, но не всерьёз, а как бы пробуя пределы дозволенного.

Ещё раз кинув на меня взгляд, Надя снова закопалась в бумаги, занимаясь перепиской и анализом данным. По сути, она выполняет роль секретаря, притом не моего личного, а всей нашей команды.

Работоспособность у неё потрясающая, а что ещё важнее

– необыкновенное чувство Слова. Мельчайшие смысловые оттенки, полутона и нюансы она видит так, как будто к каждой строке и каждому слову прикреплено подробное пояснение с картинками.

В голове мелькает иногда сожаление о том, что Надя тратит своё время на учёбу в гимназии...

... но увы, общение со сверстниками это часть терапии, медики в этом непреклонны и единодушны. А всё-таки жаль... даже так, тратя три-четыре часа в день на разбор переписки, она ухитряется не теряться в бумажном море из личных и деловых связей, бюрократических отписок и газетных статей.

Эсфирь, закалённая ведением Палестинских дел, занимается финансовым аудитом. Надо признать, небезупречно... Я её очень люблю, но не считаю воплощением всех мыслимых достоинств. Она восхитительная, любимая и любящая, очень умная, но вполне земная девушка.

Финансы – наука далеко не гуманитарная, где можно выехать за счёт врождённого таланта. Бывают гениальные поэты и в пятнадцать, но вот гениальных финансистов пока не встречалось! Таланта у Фиры хватает, равно как и желания разобраться, а вот именно что знаний и опыта пока не достаёт.

Ладно... не страшно, всё равно есть ещё дядя Фима с Ёсей на подстраховке. Младшенький Бляйшман, когда перестал баловаться Революцией, оказался ни разу не полупоцем с

идеологией в голове, а жёстким и хватким дельцом. Допуска ко всем тайнам у Бляйшманов нет...

... но подозреваю, помогая Фире разбираться с финансовыми документами, они поняли много больше, чем мне хотелось бы...

... равно как и у меня нет допуска ко всем тайным делам Иудеи и иудеев, но притом знаний о ситуации с делами жидовскими сильно больше, чем хотелось бы Бляйшманам!

В общем, весёлая и интересная игра с союзниками "мы знаем, что ты знаешь, что мы знаем...", с засылкой шпионов и вербовкой агентов влияния. С попыткой самую чуточку скорректировать экономику и политику союзников в нужную тебе сторону и прочими увлекательными, сугубо дружескими интригами.

Без обид! Есть правила игры, а мы уже не дети и можем играть в такие игры, не наливаясь гневом и пожимая руку после проигранной партии.

– Итак, – начал я, и Санька, медитирующий перед перепутанным макраме из статей и фотокарточек, нехотя повернул ко мне голову, потирая виски. С недоумением взглянув на надгрызенное яблоко в руке, успевшее изрядно потемнеть, он усмешливо качнул головой и кинул его в корзину для бумаг.

– Нам стало известно, – продолжил я, – что в Сербии произошёл переворот и династия Обреновичей, занимаю-

щая уверенно антироссийскую политику, жестоко уничтожена толпой восставших⁸.

– Пардон... – сверившись с запиской и поглядев на часы, поправляюсь с неловкой кривоватой усмешкой, – будет уничтожена. Разница во времени... как раз сейчас убивают.

Надя прикусила губу, но смолчала, только вздохнула прерывисто. Кажется, до неё только что дошло, что чужие тайны могут быть столь неприглядными. В глазах девочки мелькнуло сомнение и я сделал паузу...

... но нет, упрямо наклонив голову, Гиляровская осталась сидеть, обратившись в слух и глядя мне в глаза. Несколько секунд мы играли в гляделки, но потом я отвёл глаза, признавая за ней право...

... и помня совет Адольфа Ивановича. В психологии и психиатрии Елабугин будет покомпетентней многих признанных светил, и если он говорит, что борьба со своими страхами кажется ему подходящей терапией, то так тому и быть!

"Обреновичи", постукивая мелом, пишу на доске и перечёркиваю жирной линией, показывая пресечение династии.

– На смену Обреновичам придёт пророссийская династия Карагеоргиевичей.

"Карагеоргиевичи", выписываю на доске.

– Организатор переворота, капитан Драгутин Димитриевич, известен как один из лидеров националистов, имеющих

---

⁸ В Реальной Истории это произошло в мае 1903 г.

своей целью объединение южнославянских народов в одно государство, – продолжаю я, – Достоверно известно, что переворот осуществили при поддержке военной разведки Российской Империи.

Прерываюсь ненадолго, чтобы дать время на осмысление ситуации.

– Можно сказать с большой долей уверенности, – продолжаю монолог, – что заговорщики не собираются уходить в тень, предоставляя всю полноту власти королю Петру Первому Карагеоргиевичу или парламенту. Напротив, они собираются взять страну под контроль⁹, а в планах у них – объединение южных славян в королевство Югославия!

– Красиво, – нехотя признал Санька, – грязно до предела, но красиво! Одним ударом вывести из-под влияния Австрии Сербию, а учитывая территориальные претензии сербов к соседям, то и все Балканы!

– Полыхнёт, – кусая губу, соглашаюсь с братом, – хорватов и словенцев они рассматривают как "сербов католического вероисповедания". К Болгарии и Македонии у них претензии территориального характера.

– Ещё румыны, – неуверенно сказал Санька, – ввяжутся ведь, а?! Не удержатся, не смогут удержаться!

– Пожалуй, – чуть помедлив, кивнул я, – Румыния де-факто вассал Австро-Венгрии и Франции разом, то бишь союзным Болгарии странам, но нет... не удержаться! Какой-ни-

---

⁹ Как это и произошло в действительности.

будь пограничный инцидент на границе болгарского княжества...

– Да не один! – живо перебил меня Чиж.

– Считаешь? – я чуть задумался, проворачивая в голове страницы Истории и вспоминая поведение этих стран в сходных ситуациях, – А ведь пожалуй!

– Сильный ход, – вздохнул Санька и закусал губы.

– Сильный, – эхом отозвалась Надя, и встав со стула, подошла к карте Европы, висящей на стене и частично перегородающей оконный проём. Некоторое время она молча стояла перед ней, вздёрнув подбородок и заложив руки за спину.

– Народно-либеральная партия Болгарии выступает за самые тесные политические и экономические связи не только с Германией и Австро-Венгрией, но и с Великобританией, – начала она тоном гимназической учительницы, – Лидеры партии считают, что Болгария должна занять максимально нейтральную позицию.

– ... и продать себя подороже в конце войны, когда победитель уже определится, – дополнил я девочку.

– Грубо, но верно, – усмехнулась она, покраснев едва заметно, а я с трудом удержался от закатывания глаз... Ох уж эти барышни в пубертатном возрасте! Всё-то у них вызывает смущение!

– Либеральная партия близка по духу Народно-Либеральной, но в отличие от неё, видит войну средством решения

национальных проблем, – продолжила Надя всё тем же менторским тоном, несколько неуместным для её возраста и ситуации, – Партия эта имеет поддержку князя Фердинанда Саксен-Кобург-Готского, который претендует на гегемонию Болгарии на Балканах, видя себя основным претендентом на европейское наследство Османской Империи.

Замолчав, Надя прикусила губу и принялась рассматривать карту – так, будто видит с высоты птичьего полёта марширующие отряды славян, готовых вцепиться друг другу в горло. На красивом её лице начала наливаться тоска...

– Война, – тихонько сказал Санька, до сих пор не переболевший славянофильством в тяжёлой форме, подхваченным у Гиляровских, – Балканы взаимно аннигилируются...

Он отчаянно сморщился и заморгал часто. Надя, посмотрев на него, суксилась ещё сильнее.

– А нам очень нужна эта война? – тихохонько спросила она, моргая набухшими веками.

– Нет! – рывкнул я и тут же смутился, – Извини... нервы ни к чёрту!

Надя тут же сочувственно посмотрела на мой раненый бок, а взгляд брата сделался по-собачьи виноватым.

– Да нет же! – отфыкнулся я и промокнул платком потный лоб, – Это так... мелочь, право слово! Просто кувырком всё... как всегда.

– Нам не нужна война, – повторяю ещё раз, для убедительности постукивая себя кулаком по ладони, – Даже если от-

бросить к чертям единство славян и прочие благоглупости... Да, Сань, я знаю твоё мнение по этому поводу! Война нам не нужна ещё и потому, что боевые действия на Балканах приближают войну Мировую!

– А у нас, – продолжаю, борясь с внезапно накотившей усталостью, – каждый мирный день – это ещё один пароход с переселенцами из России. Ещё один самолёт. Десяток пулёмётов. Обученный санинструктор...

Вздохнув прерывисто, заставляю себя замолчать, хотя список этот едва ли не бесконечный.

– Не нужна... – задумчиво повторила Надя и снова обернулась к карте. Короткое, задумчивое молчание...

– А если... – она обернулась ко мне, и в голосе её прозвучал злой азарт, – уничтожить партию войны?! Физически?

В несколько минут, постукивая на доске мелом, она вывела основных фигурантов и предложила весьма дельные, а порой даже изящные, пути их устранения. И даже...

... не всегда насильственные. Да, будут трупы, в том числе и людей непричастных. Но...

– Работаем, – сухо киваю я.

– Нет... – Надя даже попятилась, – ты хочешь сказать, что мы...

Она выразительно обвела руками нас.

– ... вот так вот?! Просто?

– Вот так, – спокойно отозвалась Фира, – Не самые умные, не самые компетентные... но кто, если не мы?

– Нет никаких других, Надя, – грустно усмехнулся я, – оглянись! Мы и есть отцы-основатели, столпы общества и государства!

– Ужас, да? – невпопад отозвался Санька от грифельной доски, сбивая пафос и эпос момента, – Мы, и столпы!

Он потряс нечёсанной головой, будто пытаясь выбросить оттуда эти дурацкие мысли. Столпы... Ха!

– Действительно... – Надя растерянно улыбнулась и болезненно сощурилась, массируя виски и наверное, пытаясь вспомнить более компетентных и влиятельных, – а ведь и некому больше... Боже мой...

Вторая глава

– Слово предоставляется депутату Морозову...

Спикер Городского Совета ещё не договорил, а по широкому проходу, устланному красной ковровой дорожкой, уже стремительно шёл, почти бежал Илья Логгинович, не обращая внимания на пустой левый рукав, выпавший из кармана пиджака. Плотные сжатые губы и раздувающиеся ноздри тонкого, несколько хрящеватого носа, свидетельствовали о крайнем возбуждении этого обычно спокойного и сдержанного человека, и Илья Логгинович не обманул ожиданий.

– Хватит! – рявкнул он на африкаанс, воинственно выпятив вперёд короткую, задиристую рыжеватую бородку, и с силой ударив добела сжатым кулаком по трибуне, – Хватит это терпеть! После захвата Дурбана Фольксраад навязал нам своих представителей, навязал вопреки всем демократическим процедурам! Вопреки здравому смыслу и воле народа!

– Мы не стали оспаривать это решение... – глухо произнёс он и вздохнул прерывисто, набирая воздуха в ходящую ходуном грудь, – Не стали, посчитав его за обычную перестраховку от радикалов в наших рядах! От тех немногих, кто протестовал против статуса вольного города в составе ЮАС, и видел Дурбан неотъемлемой частью Русских Кантонов! Мы пошли навстречу опасениям консервативной части Фольксраада, проглотив обиду и стерпев унижение.

– А нас... – Илья Логгинович сделал паузу, обводя присутствующих яростным взглядом, отдельно остановив свой взор на африканерах, представляющих Фольксраад в Городском Совете, – предали!

– Да! – закричал он яростно, надсаживая горло и перекрикивая орущих оскорбления буров, вскочивших со своих мест, – Предали! Я готов отстаивать свои слова хоть в суде, хоть с оружием в руках!

– ... регламент! Регламент! – тщетно колотит спикер молоточком по столу, а в зале уже вовсю дерутся. Летают кресла, кого-то лупят оторванным подлокотником по спине, кровянятся рожи, мелькают кулаки, а Янсена бьют ногами, целя острыми носками штиблет в толстое бородатое лицо.

Аккредитованные в Совете журналисты лихорадочно записывают происходящее в блокноты, и в газету, немедленно в газету! Добежать до дверей, вручить вырванный листок мальчишке-курьеру на велосипеде – с напутствием спешить так, будто этого зависит чья-то жизнь, и снова в гущу политических событий!

Вспышки фотоаппаратов... снимки в таких ситуациях почти всегда дрянные, не всегда опознаваемые без подписи кто есть кто под фотографией. Поэтому в зале на заседании Совета всегда сидит художник, а то и не один, спешно делая наброски. Не всем это нравится, но...

... это и есть – демократия!

Охрана не сразу растащила драчунов, но воинственный

пыл не угас ни у одной из сторон. Пусть буры в заметном меньшинстве, но народ это рослый, откормленный, и сама драка напоминала схватку своры собак с огромными секачами.

– Предали! – неукротимо повторил Морозов, выцеливая взглядом побитых, но не сломленных представителей парламента ЮАС, – По какой причине Фольксраад не стал заниматься развитием Дурбана, спихнув всё на нас, мы можем только догадываться, но все возможные причины отчётливо воняют отборным дерьмом!

Буры снова вскочили со своих мест, но на этот раз не полезли в драку, ограничившись криками и оскорблениями. Орали от души – так, что едва не лопались жилы на шее... но переорать не смогли.

– ... неверие в то, что мы можем удержать город, – хрипло надрывался Илья Логгинович, перекрикивая шум в зале, – желание повернуть масштабную спекуляцию с земельными участками, что-либо другое, или всё это вместе взятое – не важно! Важно то, что Фальксраад не стал развивать Дурбан, оставив его развитие целиком и полностью на нас! Не стал развивать, но представители Фольксраада делают всё возможное, чтобы экономика города не росла, чтобы обороноспособность его оставалась на возможно нижайшем уровне! Что это, как не предательство?

– Дорог каждый день, каждый час, каждая минута, – срывающимся голосом выкрикивал Илья Логгинович, поджав-

шись вперёд так, что доски трибуны врезались в грудь, — а нам вставляют палки в колёса, затрудняя, а то и накладывая вето на любое решение, идущее на пользу городу! И чем важнее это решение для экономики Дурбана, для его безопасности, обороноспособности, тем больше проволочек.

— Они! — Морозов ткнул рукой в ставленников Фольксраада, — Предатели! Предатели, готовые менять нашу кровь на британское золото! Они называют это национальными интересами, но присутствующие здесь буры, живущие в Дурбане и имеющие имущественные интересы в городе, не дадут соврать — национальных интересов в их поступках нет! Есть предательство.

— Мы спрашивали! — вскочил с ногами на кресло Савва Григорьев, — Мы много раз спрашивали Янсена и Беземайера напрямую, делали запросы в Фольксраад, и знаете что? Нет ответа!

— Нет! — заорал Савва ещё громче, — Есть отписки, которые не назовёшь даже формальными, такими бумагами даже потереться нельзя — жёсткая! А Шниперсон...

Он огляделся в поисках приятеля, и могучий иудей воздвигся памятником самому себе.

— ... Лейба не даст соврать, он лично ездил в Фольксраад, и что?! Да ничего! Даром потраченное время!

— Не-ет... — пароходной сиреной прогудел Лейба, — не даром! Мы хорошо поняли, что могучий Дурбан, процветающий Дурбан... Дурбан, с честью выдержавший осаду британ-

цев, им не нужен! Там...

Лейба щедро махнул волосатой рукой, захватывая в жмению добрую половину Африки.

... – сидят те, кто хочет видеть Дурбан, разрушенным до основания, и чтоб сами камни его пропитались нашей кровью! А потом на развалины придут они, и будут торговаться с британцами, выторговывая себе мир, завоёванный не ими!

– ... регламент, регламент, – пуча глаза, надывается спикер, давно уже сорвавший голос и каркающий простуженной вороной. В зале заворачивается второй раунд дебатов – с матом на нескольких языках, оторванными рукавами, попыткой удушить оппонента и плевками в окровавленное лицо.

– ... мы следим, чтобы Дурбан оставался в составе ЮАС! – дорвался до трибуны Пауль Янсен, прижимая окрашенный кровью платок к рассечённой скуле, – Все обвинения неуважаемого Илии и Лейбы – клевета и поклёп, и на этом я настаиваю!

Речь его попытались заглушить свистом, в трибуну полетела всякая мелкая дрянь из карманов, а потом, выстроившись клином, фракция Морозова пошла в атаку, пытаясь оттащить Янсена от трибуны. Вцепившись в дерево сильными лапищами потомственного фермера, тот не желал покидать место, а представители Фолксраада, сгрудившись вокруг, защищали предводителя.

– Предатели! – паровой сиреной орал бакалейщик де Гроот, рвущийся к соплеменнику на трибуне и пытающийся-

ся дотянуться кулачищем до неприятельской физиономии, – Нам! Нам здесь умирать, когда придут британцы! Не вы будете умирать в Дурбане, чтобы женщины и дети за вашими спинами – жили!

– Вон воров из Совета! – начал скандировать де Гроот, так и не дотянувшись до ненавистной физиономии, – Вон предателей!

– Вон – воров! – поддержали его радикалы, отрывая наконец представителя Парламента ЮАС от трибуны – вместе с доской! – Вон – предателей!

Снова разгорелась драка, но на этот раз сторонники Морозова выиграли не по очкам, а тяжёлым политическим нокаутом! Представителей Фольскраада вытолкнули из здания Совета, выкинув следом их документы и все личные вещи из кабинетов.

– ... Илия, ты не мужчина! – орал Янсен, задирая окровавленную физиономию вверх, и не обращая решительно никакого внимания на разбросанные под ногами бумаги, с которыми шаловливым котёнком уже начал играть ветёр, – Ты трус!

– ... дебаты, – прошелестело среди зевак, в быстро кристаллизующейся толпе возле здания Совета.

Бумаги разлетаются под ноги толпе, ложатся в мелкие лужицы, оставшиеся после недавнего дождя. Несколько африканеров, наклоняя по-бычьей головы, собирают их с угрюмыми лицами, невольно склоняя выи перед собравшимися

людьми.

– ... а он? – и спрашивающий замирал, стараясь не пропустить не то что ни словечка, а ни единого звука! Это же История! Настоящая, живая... потом уже набегут репортёры, и как водится, всё перевернут! А тут он самолично, свидетель...

– ... да ты што? – не верили всё новые зеваки, подходя и переспрашивая у очевидцев, – Так и сказал?

– ... да пустите, черти... пустите, я сказал!

Отпихиваясь от чересчур ретивых сторонников, Илья Логгинович сбежал со ступенек, остановившись за несколько шагов до Янсена.

– Илья, давай я на замену... – всё упрасивал его молодой Шниперсон, придерживая друга за плечо могучей ручищей.

– Не мужчина, говоришь? – Морозов шагнул вперёд, щуря злые глаза, и скандал стал внезапно чем-то большим. Вздыхнув, Лейба отступил на шаг и с досадой запустил руку в густую, проволоочной жёсткости бороду.

– ... дуэль, – прошелестело в толпе, – стреляться будут!

... но они ошиблись. Накал взаимной ненависти оказался так велик, что дуэлянты выбрали – ножи! Не первый, и наверное, не последний случай в истории ЮАС – одной из немногих стран, где право на дуэль закреплено на уровне Конституции, а вот дуэльного кодекса пока не выработалось!

Секунданты начали было обговаривать условия, но...

– Насмерть! – синхронно выдохнули противники, мерясь взглядами и силой Духа. Суеты с одинаковым оружием

и прочим бредом не возникло – что у тебя с собой, тем и дерёшься...

Оба дуэлянта оказались людьми практичными, с боевым и дуэльным опытом. Поэтому и ножи их по размеру напоминали скорее тесаки, которыми сподручней рубить кустарник и вражеские конечности, а не никак не нарезать лежащую на тарелке отбивную. Впрочем, это особенность любого фронта.

Освободили площадку примерно пять на пять метров, и толпа обступила их, напрочь перегородив улицу. Задним рядам не видно ни черта, но...

... какая, на хрен, разница?! Подробности они выдумают потом, а пока – вот она, дуэль! Представитель Парламента и народный избранник дерутся насмерть!

– ... пропустите... да пропустите же, черти! – мечется на краю толпы мелкий чернявый мужичонка, но его, как одиночку и не тутэйшего, отпихивают назад, не жалея локтей и добрых слов.

– А-а! Да штоб вас! – шваркнув картуз оземь, он задумался на миг, тут же подобрал головной убор, и забрался на ближайший фонарный столб с ловкостью обезьяны. Его примеру, заулюлюкав и засвистев, тут же последовали мальчишки-курьеры, молодые парни и несколько подвыпивших мужичков, не боящихся уронить авторитет чилавека степенного и солидново под ноги честнóму люду.

– А действительно... – выдохнул осанистый господин, по

виду мелкий служащий банка или приказчик солидного галантерейного магазина. Но, будучи тверёзым и здравомыслящим, не стал изображать из себя обезьянку на потеху толпе, а кинув мелкую серебрушку чернокожему извозчику, застрывшему с пассажиром на краю толпы, вскарабкался в экипаж и встал сусликом.

Бойцы начали расходиться, ожидая сигнала. Янсен, скаля желтоватые зубы, скинул с себя сюртук и одним уверенным движением намотал его на левую руку.

В толпе глухо зароптали, но Морозов не стал протестовать, лишь усмехнувшись кривоватой многообещающей улыбкой. Однорукий, он не считает себя калекой... просто перезаряжать оружие стало немного сложнее!

Встав на носки, Илья Логгинович попрыгал на них, и развернувшись боком к противнику, начал, разминаясь, как бы раздёргивать его.

– Неаполитанская школа! – уверенно сказал нетрезвым голосом какой-то доморощенный знаток в толпе, – Зумпата! Щас напрыгивать будет!

Знатоку быстро объяснили по шее, где он не прав, и самое страшное – вытолкали из передних рядов, лишив Зрелища.

– Дурака кусок, – вытолкавший его пожилой рабочий дал напоследок подзатыльник с напутствием, – Илья Логгиныч и так-то однорукий, а тут ещё ты со своим мнением! На хера? Штоб говнюку этому из Парламента воспомоществование советом оказать?! Никшни! Ишь...

Погрозив напоследок мосластым кулаком, авторитетный работяга ввинтился в передние ряды, где для него придерживали местечко.

Благо, нетверёзый знаток говорил на русском, а африканеры, будь они хоть сто раз представителями Парламента в русскоязычном Дурбане, изучением языка себя не утруждают.

– Начали!

... вопреки ожиданиям людей несведущих, дуэлянты не бросились в бой сразу после сигнала, а продолжили ходить, провоцируя иногда противника. Еле заметное движение корпусом...

... и тут же назад! Снова, и снова, и снова...

Внезапно бур рыкнул натуральным львом и бросился в атаку, сперва прижав к груди обмотанную пиджаком руку, а потом резко выбросив её вперёд – пытаясь толи схватить, толи ударить депутата.

Морозов контратаковал беззвучно, скользнув под руку вперёд и немного вбок плавным движением.

Несколько секунд необыкновенно быстрых движений... и Морозов отпрянул назад. С рассечённой головы депутата обильно текла кровь, предплечье жесточайше изрезано...

... а Янсен остался лежать на брусчатке, вскрытый от паха – до горла!

– Как же так... как же так... – отменно высокий, но несколько дрищеватый господин с землистого цвета лицом,

всё повторял и повторял одну и ту же фразу, уподобляясь сломанному патефону. В расширенных глазах его нет никаких мыслей, и лишь один неизбывный, какой-то первобытный страх существа, выросшего в совершенно тепличных условиях и впервые столкнувшегося с жестокостью.

Под мёртвым телом африканера тем временем начала расплываться лужа крови, тяжело запахло убоиной, содержащим кишечника и прочими ароматами крестьянского подворья по осени. Откуда-то почти моментально нароились мухи и прочая насекомая погань, припавшая к лужицам крови и развороченному животу.

Отступив на пару шагов назад, тщедушный господин спешно прижал к стремительно зеленеющему лицу надушенный платок. Издав нутряной звук, он ещё сильнее прижал платок, но тем самым лишь измарал сюртук. Рвало его долго и мучительно, до боли в лёгких и желудке.

Янсена, в ожидании коронера, прикрыли куском ковровой дорожки, наспех отхваченной ножом. Ворсистая ткань скрыла тело от сторонних глаз, впитав часть крови с земли, и только тогда зеваки начали расходиться, возбуждённо обсуждая поединок.

– Как же так... – потерянно повторил господин, тщетно пытаясь оттереть с сюртука следы рвоты, – вот так вот, и человека... как можно? Кто да ему право вот так вот... убивать?

– Право? – тот самый немолодой рабочий, вытолкнувший

знатока из передних рядов, остановился перед чувствительным господином. Высморкавшись под ноги с тем простодушием простолюдина, в котором баре видят бескультурие, а народ попроще – недвусмысленную издёвку и отношение к чистой публике, работяга достал платочек и культурно вытер сперва испачканные пальцы, а потом промокнул бугристый нос, заросший обильным волосом изнутри и немножечко снаружи.

Нимало не смущаясь разницей в росте, возрасте и социальном положении, пожилой рабочий настроен явно задиристо, ни в малейшей степени не боясь последствий. А правда... а чево он?! Право, тля...

– Права, сударь... – рядом с пожилым рабочим встал молодой, от силы лет шестнадцати, худощавый парнишка с руками, в которые намертво въелось машинное масло и металлическая стружка, – Права – не дают, права – берут... Человек должен сам завоевать себе права, если не хочет быть раздавленным грудой обязанностей¹⁰.

– Па-азвольте, – сутуло выпрямился заблёванный господин, опираясь на тросточку и готовый отстаивать свои убеждения, – социальный переворот сам по себе не даст ничего!

– Тю... – насмешливо протянул молодой, скаля неровные зубы, – никак толстовец?

Дрищеватый господин с достоинством выпятил подборо-

---

¹⁰ Пьеса "Мещане" Максима Горького (1901 г.) Слова Нила, сказанные им в споре с отцом.

док с клочковатой бородкой, в волосах которой ещё виднелись следы рвоты.

– Да тьфу ты... – сплюнул пожилой работяга на туфлю оппонента, – юрод! Пошли, Савка, нечего с этими господами...

– Уезжали бы вы отседова, господин хороший, – посоветовал паренёк, – здесь вам не там! Ишь, тля... непротивление¹¹...

В Кантонах дела у толстовцев сразу как-то не заладились, да и немудрено. Некоторые идеи мятущегося графа перекликались с извечным мужицким стремлением к социальной справедливости и неприятием церковной иерархии, но...

... пацифизм?!

Российская Империя постоянно воюет – с "туркой" ли, со "злыми горцами" или "дикими текинцами". По газетному, по барски, войны эти всегда священные, и "положить живот" за свободу болгар, грузинцев¹² или иных братьев-православных – прямо-таки обязанность всякого православного.

Мужики исправно ложили животы, умирая даже не от пуль и картечи, а прежде всего от болезней, дрянного питания, худых сапог и ледяных казарм. От воровства чиновников военного ведомства, нерадения отцов-командиров, кула-

---

¹¹ Неотъемлемая часть Толстовства (помимо вегетарианства, отказа от табака и алкоголя) непротивление злу насилием и отказа от вражды с любыми народами.

¹² Не хочу никого обидеть, это обычное просторечие тех времён, сугубо для антуража и вживания в эпоху.

ков озверелых фельдфебелей и шпицрутенгов. Умирали, добывая свободу, землю и волю кому угодно... но только не себе!

Освободили Балканы... Братья-православные, не будь дураками, предпочли перебежать из-под гнёта турецкого, под гнёт европейский, лишь бы не попасть под руку православного батюшки-царя.

Завоевали Кавказ... и Великие Князья тут же принялись спекулировать земельными участками, вновь и вновь поднимая на восстания горские народы.

А мужику-то всё это...

... зачем?!

Вот и появлялись, как грибы после дождя раскольники всех мастей, отказывающиеся приносить присягу Власти, считая её за врага много худшего, нежели османы! В Туретчину, к румынам, в Сибирь... лишь бы подальше от Белого Царя, попов и помещиков.

Но одно дело – драться за интересы чужие, за возможность Великих Князей спекулировать землёй, за кабинетские земли¹³, выкупные платежи и возможность работать за гроши по шестнадцать часов в день...

... и совсем другое – за своё! Кровное. Вот она, протяни руку – земляца. Никаких бар. Своя власть...

---

¹³ КАБИНЕТСКИЕ ЗЕМЛИ – личная собственность императора в России; управлялись Кабинетом его императорского величества. Кабинетские земли находились на Алтае, в Забайкалье, Польше и сдавались в аренду.

... и толстовцы? В Дурбане? В преддверии войны? Да што за на, тля...

В преддверии войны в Кантонах, и особенно в Дурбане, собрался уникальный человеческий зоопарк, так что даже толстовцы с их непротивлением теряются этом фоне. Вот уж точно... каждой твари по паре!

Будто мошки на огонёк, слетаются в Кантоны авантюристы всех мастей. Война! Она ещё не началась, но кто не знает, что война – это не только кровь и смерть, но ещё и Возможности! Не для всех... но люди в Дурбан съезжаются специфические, и очень часто – не беззгивые.

Гешефтмахеры с головами, полными идей и дырявыми карманами. Куртизанки, хипесницы и обыкновенные рублёвые проститутки со всего мира. Станные люди с прозрачными глазами серийных убийц и бродячие проповедники, часто – в одной компании, повязанные самыми странными узами.

Ведёт их жажда. Славы ли, денег, крови... у каждого не выпросишь, да и люди это подчас полезные, и у всех – морковкой под носом – успех нынешних хозяев Дурбана! У всех перед глазами – примеры людей, которые ещё недавно были – ничем!

И желание...

У кого-то – влиться в эти пока ещё не сплочённые ряды. Стать элитой нового государства. Попасть в учебники исто-

рии хотя бы в сносах.

У кого-то – сломать сырую, не застывшую ещё кладку государственного устройства, и из этих обломков построить что-то новое, будь-то государство нового социального строя или личная Империя.

Дурбан образца тысяча девятьсот второго года – очень... очень интересное место. Когда-нибудь об этом периоде истории будут писать книги и снимать фильмы, а пока – люди живут здесь так, будто каждый пытается стать Главным Героем!

Третья глава

Вздыхая так тяжело, как только это вообще возможно, Кузьмёныш застоявшимся жеребёнком переминался на тонких ногах и тоскливо поглядывал в маленькое окошко полуподвала – источник солнечного света и божественных звуков...

– ... офсайд, – надрывным дискантом орали во дворе – выплёскивая эмоции, срывая голос и наматывая нервы окружающих на кулак вместе с собственными соплями, – я тебе говорю – офсайд!

Голос был пискляв, авторитетен и яростно-надрывен, как перед хорошей драчкой.

– Рувим, ты с тогошних разов на карточке висишь¹⁴! – не менее яростно возражал невидимый, но такой же писклявый и яростный оппонент, – Што за манера жидовская – всё через хуцпу решать!

– Сам ты... – слышалась возня, преддверие обыденной мальчишеской драчки, – Нет, Федь, а чево он? Хуцпа! Нашёлся арбитр! Глаза пусть...

---

¹⁴ Висеть на карточке (предупреждении) – 1) ситуация, при которой игрок имеет непогашенные предупреждения, полученные в предыдущих матчах, и очередное предупреждение повлечёт за собой, согласно регламенту турнира, дисквалификацию на следующий матч; 2) ситуация, при которой игрок уже получил предупреждение в проходящем матче и следующее предупреждение в данной игре повлечёт за собой удаление с поля.

– Пепе! – заорал истошно всё тот же дискант, – Пепе, ты скажи – был офсайд, или как?!

Кузьмёныш завозился и завздыхал с совершенно щенячьим поскуливанием, нетерпеливо перебирая босыми ногами и неотрывно глядя то на окошко, то на низкую дверь, ведущую из маленькой полуподвальной квартирки на улицу, представляющуюся ему раем. Он уже там, во дворе...

– А ну цыть! – строго прикрикнула мать, подкалывая где нужно булавками ношенный костюм, отданный мальчишке сердобольными соседями задаром. Кузьмёныш послушно замер, печально обвиснув, и всей своей тощей фигуркой показывая, меру, степень и глубину своего отчаяния.

Во дворе невидимый Пепе, мешая русский с португальским и африкаанс, авторитетно (и пискляво!) решал насчёт офсайда и висенья на карточке. В итоге спор разрешили практически рыцарским поединком на кулачках.

– По сопатке ему! По сопатке! – азартно орали детские голоса, среди которых явственно выделились несколько девчоночьих. Кузьмёныш люто обзавидовался, он готов сейчас даже получить по сопатке, лишь бы вот так, во дворе, с ребятами...

– Под дых лупоглазого! – азартно вопили болеющие за иную сторону, – А-а! Бить не умеешь! Девчонка!

– По уху, по уху ево!

Затем последовал короткий, но очень эмоциональный разбор драчки, в которой не оказалось проигравших, а бы-

ли одни сплошные победители. Игра возобновилась, и снова слышались звуки босых ног, пинающих мяч, азартные крики и неизбежное...

– А ну пошли отседа, ироды! – дребезжаще ввинтился в игру старушечий сварливый голос из тех, от которых заранее морщишься, предугадывая затяжной лай и позиционное конфликтное противостояние, – Ишь, взяли барску манеру, мячики ногами лупасить! Вот я вас, озорников! Возьму хворостину, и...

– Да што ж ты за зараза такая, Марковна! – слышался грубый, прокуренный мужской голос, и начавшийся было конфликт поколений разом перерос в увлекательную свару по-соседски, – Всё бы тебе свои порядки наводить, да хворостиной размахивать! Тебе б фельдфебелем к Николашке, знатный бы мордобец и тиран вышел бы! Ребятишки спортом, стал быть, занимаются, к етому... к чемпионату квартала готовятся, а ты им мешать? Сгинь, зараза старая!

Склока с лаем понеслась по двору, вовлекая всё новых и новых участников. Как это всегда и бывает, бойцы вспоминали минувшие дни¹⁵, где ядом друг в дружку плевались они.

А потом, как и не было ничего... бумц мячиком и...

– Го-ол!

– Не было! – штопором закрутился в уши голос Рувима, игнорируя пространство и время, – Через руку пошло, по

---

¹⁵ А. С. Пушкин. Уверен, мои читатели достаточно грамотны, но увы – цитировать без упоминания первоисточника в том или ином виде у нас нельзя.

руке! Федя, ну скажи же!

– Ма-ам... – не выдержал Кузьмёныш, выразительно поглядывая на дверь глазами и дыша часто-часто.

– Цыть! – решительно прервала нытьё мать, усталая женщина с натруженными руками прачки и просветлённым лицом Мадонны, – Не мамкай мне!

Вздохнув, Кузьмёныш принялся стойко претерпевать муки примерки жаркого, колючего шерстяного костюма и необходимость стоять неподвижно. Единственная отрада – слушать игру, но и то...

– ... вот здесь подошьём, – ввинчивался в уши пронзительный голос тёти Фейги, взявшейся помогать по-соседски и околачивающейся здесь уже второй день. Свободного времени у домохозяйки при хорошо зарабатывающем муже и почти взрослых детях – полным-полнёшенько, и она, скучая бездельем, щедрою рукой тратит его на соседей, не всегда задумываясь об уместности.

– ... был гол! – доказывал тем временем дискант, – Был! Федя, скажи им...

– ... здесь расставим, и будет у нас не мальчик, а такой себе пэрсик, шо люди издали будут шурить глаза и говорить: а хто это там прошёл, такой красивый и интеллигентный?!

Мать блаженно улыбалась, кивала и готова была вот так, с булавками во рту, соседкой и разговорами о сыне сидеть вечно. А Кузьмёныш страдал...

Наконец костюм подкололи где надо, местами вместе с

Кузьмёнышем, на што тот только шипел тихохонько, потому што надо понимать за женское вдохновение и характер! Вроде как гадость сделали тебе, ан ты и окажешься виноватым. А чего ты... ишь, под руку!

– Ну вот, – выдохнула мать, любовно приглаживая костюмчик на сыне, – хоть сейчас женись!

Сын скривился, но смолчал благоразумно. Необходимость жениться он смутно понимает, потому как это от века заведено и не нами кончится, но напоминать-то зачем?! Фу, девчонки...

– Ма-ам... – проскулил он на грани слышимости.

– Ишь, размамкался, – проворчала та, но видя слёзы, набухающие в глазах кровиночки, безнадёжно махнула рукой, – Ладно, иди. Да смотри у меня! Штоб без...

Мать без лишних слов погрозила кулаком, и мальчишка закивал истово. Скользнув к себе, в крохотную комнатку, где помещалась только узкая кровать, стол с нависшими над ним книжными полками с парой десятков книг, да стул, он быстро переоделся, подрагивая всем телом от мальчишеского весёлого азарта.

– Я пошёл! – скороговоркой выпалил он, складывая на столе костюм, и выскочил, не дожидаясь ответа и не слыша наставлений вдогонку.

Хлопнула дверь полуподвала, и на солнечный свет вылетел мальчишка, сияя щербатой улыбкой самого счастливого человека во всём мире. А во дворе – друзья весёлой ку-

чей-малой. Налетели, по плечам охлопали, улыбками осветили, и вот он уже – равный среди равных, буцкает в пыли меж домами и сараями старый залатанный мячик, готовясь к чемпионату квартала.

– ... забегай, забегай! – и бумц по мячу... эмоции – самые искренние, на потных замурзанных физиономиях азарт, счастье и готовность именно так провести Вечность, – Го-ол!

Число игроков в команде неровное. Это потом, на чемпионате, будет тютелька в тютельку, а пока вот так – орда сопливая, с азартно подтягивающим щенком, которого придерживает на коленях рыжая девчонка лет восьми, болеющая за старшего брата.

– Пенальти! – заорал истошно Пепе, голосом заменяя поломанный свисток.

Разбег...

– Наташа-а! – прервал футбольную идиллию женский голос, – Обедать!

– ... го-ол!

– Ма-арк... – пронзительно вторит ей пожилая еврейка, – домой!

– Пять минуточек, Ба!

– Домой! – приговор звучит сурово и безапелляционно, даже если такого слов нет в лексиконе зовущего. Воители разбредаются по квартирам, наспех плещутся над рукомыльниками и скороговоркой делятся с домашними футбольными перипетиями.

– ... а я с подката такой – бумц! – рассказывал Кузьмёныш
взахлёб, расплёскивая эмоции и почёсывая украдкой разбитую коленку, от которой отвалился наслюнявленный листок.

– ... ну што с тобой делать? – невпопад качает головой мать, занятая домашними хлопотами и подкладывая добавку, – Ты ешь, ешь...

В дверь решительно постучали, и женщина встрепенулась, подхватившись с табуретки и поспешая к двери.

– Додик? – удивилась она, растерянно пропуская незваного гостя.

– Шалом этому дому, – поприветствовал хозяев Бриск, щуря подслеповатые глаза и втискиваясь в крохотную квартиру. Пригнувшись неуклюже, он всё-таки стукнулся лысеющей головой о низкую притолоку. Изрядного роста, он и сутул преизрядно, всей своей нескладной фигурой напоминая вопросительный знак в золотых очёчках.

– Глафира, я пришёл поговорить за поведение вашего сына! – сходу ошарашил он прачку, не утруждая себя вежливыми расшаркиваниями.

– Ах ты паршивец! – напугано ахнула женщина, поворачиваясь к удивлённому сыну, – Признавайся, што ты натворил!

Логика в её испуге наличествует и даже оправдана, потому как – где вдова-прачка, а где почтенный аптекарь? Пусть даже аптека у него крохотная, а сам Бриск служит неизбывным источником анекдотов для всего квартала, но нужно же

понимать разницу в социальном положении!

– А я што? – привычно заныл Кузьмёныш, уворачиваясь от свёрнутого грязного полотенца и мучительно пытаюсь понять, с какой именно претензией мог придти местный аптекарь. Потому что специально он не шkodит, оно само как-то получается, притом на удивление разнообразно, – Што сразу я?!

– Опять окно?! – сама себя накручивала женщина, хватаясь за сердце и вспоминая, сколько в её тощем кошелке осталось денег, – Ну паршивец!

– Хуже! – скорбным голосом протрубил Бриск, и Глафира опустилась на табуретку, хватая ртом воздух и глядя перед собой остановившимся взглядом.

– Серёжа, – взгляд Додика остановился на мальчике, пригвозждая того к дощатому полу, – сядь, нам надо с тобой серьёзно поговорить.

– Д-да... – не чуя под собой ног, Кузьмёныш нащупал свободную табуретку и уронил на неё костлявую задницу, уставившись на аптекаря испуганными глазами.

– Ах ты... – завывала было женщина, раззадоривая саму себя для предстоящей порки сына. Женщина она добрая, а лупить кровиночку нужно, потому что безотцовщина и шкода! И вообще... как же иначе-то воспитывать? Рыдает и бьёт, а Кузьмёныш страдает не столько от колотушек, сколько от материных слёз.

– Глафира Ивановна, – Додик осадил её тяжёлым взгля-

дом и та, прижав руки с полотенцем к губам, понятиливо закивала. Подав гостю табуретку, она уселась и сама, но тут же вскочила, обмахиваясь полотенцем и стискивая побелевшие губы.

– Серёжа, – продолжил Бриск, не отрывая от мальчика гипнотического взгляда, – я сегодня имел интерес наблюдать за ваш дворовый футбол.

Глафира выдохнула что-то нечленораздельное и ещё сильнее замахала полотенцем, задрожав нижней губой и придумывая для себя все возможные ужасы. Русский язык у Додика практически эталонный, но когда он начинает сбиваться на местечковый диалект – дело дрянь!

– Серёжа, – с трагизмом в голосе продолжил гость, – я видел, как ты делал руками вот так...

Додик изобразил, будто хватает кого-то за грудки и весьма неумело обозначил удар. В ином случае это выглядело бы скорее комично, но сейчас из аптекаря выплёскивается паника, и это откровенно пугает.

– Ну... – мальчик часто заморгал, не понимая решительным образом ничего, – так, драчка...

– Драчка! – Бриск вскочил, вздевая худые руки к небу, – Ты слышал? Драчка!

Небо не отозвалось, и Гласа с низкого белёного потолка не послышалось, но эмоциональный посыл был столь силен, что Кузьмины невольно задрали головы вверх, ожидая ответа и тщетно разглядывая трещинки на потолке.

– Никак покалечил кого? – выдохнула мать, опуская наконец голову и растерянно моргая – так, будто в глаза ей попали соринки.

– Хуже! – свирепо выдохнул Додик, так что перепугалась не только мнительная Глафира, но и Кузьмёныш.

– Серёжа! – иудей подался вперёд, и очень бережно взял руки Кузьмёныша в свои, поднимая их на уровень глаз, – Ты мог повредить руки!

– А-а... – выдавила женщина и растерянно захлопнула рот, едва не прикусив до крови нижнюю губу.

– Эти руки, Серёжа, – с напором продолжил Додик, выпятив вперёд подбородок из тех, которые принято считать безвольными, – не для драки!

В карих глазах его засветилось то мессианство, которому без разницы на квадратность подбородков.

– Не для драки, Серёжа, – Бриск не выпуская руки мальчика, поднёс их к глазам матери, – видите? Мозоли!

Он провыл это так трагически, что Глафира отшатнулась испуганно.

– У Серёжи! – провыл Додик, гневно сверкая очами на растерянного мальчишку, хлопающего глазами и не понимающего решительно ничего!

– Серёжа... – вкрадчиво сказал Бриск, меняя тон разговора, – тебе нравится скрипка?

– Ну... да, – осторожно ответил мальчик, совсем не понимая нового поворота в разговоре, – красиво звучит! Эх, гонимого!

ворит, што у меня талант и будущее. А Гектор, как просморгается и отплювается – што он дал бы отпилить себе ногу без наркоза ещё раз за такие руки и слух.

– Талант, Серёжа! – возбуждённо вскричал аптекарь, – А ты – драться! У человека в руках...

Он осторожно встряхнул руку Кузьмёныша.

– ... ровно тридцать костей! Тридцать, Серёжа! Одна неудачная драка, и ты можешь повредить одну из них, после чего у тебя уже нет будущего! Нельзя... даже воду таскать нельзя!

– Так ето... – начала было Глафира, часто моргая глазами и собирая в кучку воспитательные мысли по поводу приучения к труду, воспитания и прочих несомненно благих вещей.

– Вы хотите для своего сына счастливого будущего, или таки желаете видеть его босяком?! – резко повернулся к ней Додик, раздувая заросшие густым волосом ноздри.

Столь безапелляционная постановка вопроса добила женщину. Для сына она хотела и хочет светлого будущего, в котором он – непременно в костюме. А тут...

... голова её закружилась от видений сыночка со скрипачкой и в костюме. Если уж такие люди говорят о будущем Серёжи, то...

– Господи... – она завывала, сотрясаясь всем телом и прижимая к лицу нечистое полотенце.

– ... сподобилась, – вытолкнула она из себя, ещё пуще заливаясь слезами, – счастье-то какое...

Додик часто заморгал и снял очки, протирая их манжетой и хлюпая носом, а Кузьмёныш, завздохав, без лишних слов обнял мать. Уткнувшись лицом в тёплую макушку сыны, Глафира плакала от счастья.

Говорить что-то членораздельное она не могла, но...

– ... Господи... кому в Расее... досыта, каждый день...

– ... костюмчик, – дрожащими губами вытолкнула она, – Думать не могла! Костюмчик! А теперь...

Она всхлипнула и зарыдала ещё сильнее, но это были слёзы счастья.

– Скри-ипочка-а... тала-ант!

– Обещай! – она вцепилась в сына обеими руками и уставилась глазами, из которых слёзы текли – ручьём! – Обещай... все силы... Ну же... ну!

– Обещаю... – вытолкнул из себя Кузьмёныш, готовый в эту минуту пообещать что угодно, лишь бы мама прекратила плакать. Он смутно догадывался, что футбол, может быть, для него и не всё... Но что многие мальчишеские удовольствия для него отныне под запретом, это точно!

А другой стороны – скрипочка... Нравится ведь! И костюм... не этот, жаркий и колючий, а костюм вообще!

– Обещаю, – уже уверенней повторил он, и мать прижала его к полной груди, разрыдавшись с новой силой.

Завидев толпу, длинной змеей протянувшейся к спрятанному в глубине сада двухэтажному особняку в колониальном

стиле, Глафира неосознанно замедлила шаги, прижав край расписного платка к губам и неверяще округляя глаза.

– Охти... – вырвалось у неё, – это што ж, все...

– Ага, – угрюмо отозвался Кузмёныш, прижимая к боку футляр со скрипкой и упрямо наклоняя подбородок к левому плечу. Проходя вперёд, он грозно сопел, готовый в любой момент двинуть какому-нибудь задаваке по сопатке. А то ишь! Смотрят!

– Это ж сколько народищу... – театральным шёпотом брякнул идущий позади Сашка Ванников, взятый за компанию, – и все сюды? Ужась! Я б помер со страху, вот ей Богу!

Сердце у Кузмёныша, после услышанного-то, провалилось куда-то вниз, в район мостовой и даже ниже...

... а потом забухало заново, часто-часто! Сзади послышался звук подзатыльника, и змейски зашипела на приятеля Ида Левинсон – рослая, нахальная, носатая девчонка с повадками опытной базарной торговли – вся в мамеле, дай ей Б-г здоровья!

– Я тебе язык с губами на ключь сажать буду! Не умеешь думать, так не берись мотать нервы вслух! Делай молча и себе, а не всем окружающим разом!

– Так его! – гоготнул нахальный Севка, рассуждая на тему жениха и невесты, и что характерно – не встречая отпора по этому поводу.

– Воспитывает, – дипломатично отозвался чернявый Пепе, и на душе у Кузмёныша стало почему-то легче. Па-аду-

маешь! Он, может, всю жизнь (то бишь последние три месяца оной) хочет стать моряком! Если на скрипочке не получится, то вот он, запасной план!

Будет моряком, пиратом и известным путешественником. Ну или торговать с дикими племенами и охотиться на львов! А потом приезжать к матери и друзьям, весь в шрамах от львиных когтей и кафрских ассегаев, пропотелый и запылённый, как дядя Фриц, и рассказывать, посасывая трубочку, истории о своих приключениях, одна другой интересней и чудесатей.

" – А можно же и тово... – постучалась в потную мальчишескую голову горячая мысль, – разом! Со скрипкой это... концентрировать, и на львов с кафрами приключаться!"

Додик, деликатно подхватив идущую впереди Глафиру под локоток, втолковывал ей что-то успокаивающее, наклонившись пониже.

" – Женихается, штоль? – отвлёкшись от будущих гастролей с ручным львом и преданным слугой-кафром, которого он самолично от чего-нибудь спасёт, недоумённо подумал мальчишка, следя за губами аптекаря, почти касающегося уха женщины, – Мамке двадцать пять годочков уже, куда ж..."

В этот момент его толкнули, и мысли по поводу предполагаемого жениховства и его, Кузьмёныша, отношения к этому, вылетели из головы. Осталось только возмущение и го-

товность если вдруг что – по сопатке!

... по сопатке не получилось, потому как мальчишек развел дядя Гектор Христодулопулос и дядя ПалВаныч, коротко выговорив обоим.

Померявшись взглядами и...

... Кузьмёныш залихватски и очень круто сплюнул через дырку в зубах прямо под ноги противному толкачу.

... а оппонент очень гадко и невоспитанно харкнул через губу под ноги людям.

... разошлись.

– Флейта, – снисходительно сказал Сашка, проводив взглядом мелкого невоспитанного поца с верблужьими привычками, – от неё футляр.

– То-то! – подытожил Кузьмёныш, будто ставя точку в несостоявшемся споре о крутости. В негласном музыкальном рейтинге скрипка занимает почётное первое место, деля его с роялем. А флейта... ну, тоже инструмент! Не литавры и не треугольник, знамо дело... вот уж где стыдоба-то!

– Он ещё и с мамочкой пришёл, – сказала Ида, и в этих словах Кузьмёнышу послышалась подковырка. Он внимательно поглядел на девочку, но та с деловитым видом отковыривала болячку на локте, не обращая на мальчика никакого внимания.

– Ну да, – неуверенно согласился будущий великий музыкант, путешественник и охотник на львов, – маменькин сынок!

А сам он... ну это же совсем другое дело! И вообще...

... сделав вид, что очень занят, Кузьмёныш уткнулся глазами в огромную матерчатую вывеску, растянутую на чугунной ограде.

"Комиссия по делам молодёжи"

Очередь неспешно тянулась, и Кузьмины продвигались всё ближе к саду, поросшему такой умопомрачительной красотыцей, какой на Земле и быть не может. За это время Кузьмёныш успел изучить каждую букровку на вывеске, каждый причудливый, художественно оформленный завиток, состоящий будто бы из танцующих языков пламени.

— ... и раз-два-три... — слышалось то и дело, и какая-нибудь девочка, встав на носочки, кружилась прямо на каменной дорожке, разминаясь...

... а заодно и деморализуя соперниц!

Повсюду молодые улыбчивые люди с нарукавными повязками волонтеров, разносящие лимонад, пресекающие ссоры и терпеливо отвечающие на вопросы.

— ... а где? — робко спросил очередной претендент, высадивший на нервной почве литра полтора бесплатного лимонада со льдом, и смутился, не договаривая...

— Пройдёмте, — ответ доброжелательный, без малейшей тени улыбки, и долговязый мальчишка лет двенадцати, алея ушами, поспешил за волонтером куда-то за кусты.

В гул голосов вклиниваются распевки, из особняка доносится то пение а капелла, то звуки рояля или фагота. А оче-

редь всё ближе и ближе...

– ... Кузьмин! – доносится как сквозь вату, и вот он перед комиссией, отвечает на вопросы, а что...

... убей Бог, не вспомнить!

– ... и ад либитум¹⁶, – доброжелательно говорит пожилой и очень известный музыкант, переглянувшись с Надей Гиляровской, сидящей по левую руку.

– ... безусловный талант, – соглашается комиссия, и Кузьмёныша ажно качает от волнения. Он сейчас не понимает решительным образом ни-че-го... Слышит, запоминает, но не понимает!

– Стипендия? – деловито спрашивает председательствующего молоденькая, невозможно красивенная жидовка, которую весь Дурбан знает как невесту Самого Егора Кузьмича.

– Пожалуй... – кивает мэтр, склоняя голову с львиной гривой седых волос.

– ... поздравляем, молодой человек, – пожилой музыкант, встав из-за стола, пожал мальчику руку, – вы приняты стипендиатом в Школу Искусств!

– ... класс Григория Ильича, – втолковывал ему седовласый, – Школа Искусств, пока строится, поэтому занятия идут...

Видя полную неვნемаяемость новоиспечённого стипенди-

---

¹⁶ Ad libitum (ад либитум) – «по желанию»: указание, позволяющее исполнителю свободно варьировать темп или фразировку, а также пропустить или сыграть часть пассажа (или другого фрагмента нотного текста); сокращенно ad. lib.

ата, мэтр вздохнул и подозвал родителей мальчика...

... но Глафира Ивановна только улыбалась растерянно и очень счастливо.

— Кхм... я тут некоторым образом, — смущённо начал Додик, подойдя к комиссии и подхватывая женщину под локоток. До Кузьмёныша, как через вату, доносились обрывки фраз.

— ... пока в особняке Владимира Ивановича... проехать можно на конке или...

На обратному пути Додик уже уверенней поддерживал Глафиру Ивановну под локоток. Несколько опомнившись и вернувшись в реальность, женщина сделала было попытку освободить руку...

... но не слишком, впрочем, решительную. Оба смутились и далее шли, алея ушами и шеями, но кажется, им это нравилось!

Кузьмёныш всё это видел, но пребывая мыслями где-то далеко, не обрабатывал поступающую информацию. Он всё пытался переварить рукопожатие мэтра, стипендию и тот факт, что он, Сергей Кузьмин, вообще прошёл в Школу Искусств!

Друзья, дав ему пара минут на размышления, начали торموшить, спрашивая о конкурсе и строя самые грандиозные планы на будущее. Придавленный будущей славой именитого музыканта, Кузьмёныш вполне снисходительно поглядел на мать с Додиком. Пусть их!

– ... сразу видно – нашенское государство! – громогласно рассуждал подвыпивший пожилой мастеровой, чинно вышагивающий позади Кузьминых на излишне твёрдых ногах по булыжной мостовой. Залитый самоуважением с самого утра, дядька щедро делится с окружающими мудрыми мыслями и луково-чесночным перегаром.

– А то! – поддакивал ему такой же немолодой и излишне чинный приятель, тщетно пытающийся вставить свои полгроша в чужой монолог, – Я вот...

– Не... – не слушая его, продолжал токовать самоуважаемый дядька, – Школа искусств, а? А говорят...

– Да брешут! – вмешался невидимый Кузьмёнышу словоохотливый третий, – Британия, ха! Клали мы на их с прибором и перебором!

– С прибором на их перебор! – пошутил кто-то, и мужики заржали, а потом, мешая в одном предложении поступившую в Школу Искусств внучку залитого самоуважением рабочего, Британию и экономическую ситуацию в целом, сошлись на том, что жить – хорошо...

– ... а если вдруг што, то мы – у-у... За такую жистю, штоб детишки – в школах все до единого, а в школах сортиры с клозетами и бесплатные обеды...

– ... зубами рвать будем, – выдохнул один из мужчин, – Не отдадим!

Про зубы Кузьмёнышу было неинтересно, и далее глас

нетрезвого народа он пропускал мимо ушей, сосредоточившись на обсуждении с друзьями действительно важных тем...

... какого мороженого запросить им в честь такого события, да что лучше – иметь ручного льва или мотоциклетку?

* * *

– Не сходится, – с досадой бросаю карандаш на документы и резко встаю из-за стола. Скрежетнул по полу стул, сцапывая краску, и я заметался по веранде, как тигр в тесной клетке, только не хватает хлещущего по бокам полосатого хвоста!

– Финансы? – меланхолично поинтересовался сидящий на перилах Санька, с негромким звяком размешивая чай со льдом.

– Они самые...

– Придумаешь што-нибудь, – пожал плечами брат, с сёрбаньем (так вкусней!) отхлёбывая ледяной чай.

– Твоя вера в мои способности воодушевляет, – отзываюсь как можно более ёрнически, но получается скорее упаднически.

– Совсем хреново? – Санька чуть приподнял бровь.

– Ну... помнишь, мы с тобой проблемы пикирования разбирали? Вот тоже самое, только с финансовой точки зрения. Крутое пике!

Для наглядности я даже рукой показал степень его крутости, но Санька не слишком-то впечатлился.

– Придумаешь, – повторил он равнодушно, сызнова сёрбая чаем и почёсывая москитный укус на щиколотке, – на худой конец, изобретёшь чево-ничево, как всегда.

– Да пока ничево, – отозвался я досадой, ероша волосы. Постричься б покороче, но Фире нравится...

– А урезать расходы? – снова приподнял он бровь, выглядывая из-за чашки и продолжая почесушки.

– Куда?! – возмутился я, – Личных расходов у меня по минимуму – считай, только содержание дома, а это по большому счёту – копейки! Ну, рублей сто сэкономлю, если совсем ужаться, вот до притыка нищенского! Машинерия моя, сам знаешь, не для представительства, а для скорости и экономии времени, и так во всём.

– В Париже ещё... – вспомнилось мне, – не забыл ещё мою дурную квазиэкономия? То-то, брат! Учён!

– А на что тогда деньги уходят? – поинтересовался он незамутнённым тоном деревенского дурачка, и даже физиономии соорудил соответствующую.

– Са-ань... – я возмутился до глубины души, – ты вообще слушаешь, когда я тебе о финансах говорю? Опять всё из головы повыбрасывал, за ненадобностью?

– Я? О финансах? Хе-хе...

– Всё с тобой ясно! – отмахнулся я от этого юродивого, но тут же повернулся, подозрительно уставившись глаза в гла-

за, – Издеваешься, што ли?

– Самую чуточку, – засмеялся брат, показывая эту чуточку пальцами, – Помню, помню... кучу проектов тащишь, капиталист недоделанный!

– Тащим! – педантично поправляю его, – Там и твоих денег предостаточно.

– А... – отмахнувшись рукой, как от чего-то несущественного, Санька продолжил пить чай, раздражая меня сёрбанием и финансовой простодырностью. Вот вечно так с ним! Деньги есть на поесть, и ладно! На поспать мягко, поесть сладко и одеться нормально? Шикуем!

– Нечего урезать, – снова повторяю я, кусая губу, – Университет? Только-только студенты и главное – профессура начала появляться! Ну... массово.

– А программы? – поинтересовался брат, баюкая чашку в мозолистых ладонях, – Чуточку ассигнования университетские урезать? Совсем никак?

– Не-а... и без того наполовину на энтузиазме да на будущих преференциях трудятся! Да и что урезать? Экспедиции биологов с геологами и почвоведками?

– Хотя бы, – пожал плечами Санька.

– Не-а... – снова повторяю я, – они прибыль уже сейчас дают, понимаешь? Там... в общем, сложная система. Крестьяне охотней в землю свои кровные вкладывают, иностранное кредитование и прочее. Нельзя, никак нельзя!

– Остальное... – вздыхаю, – веришь ли, даже филология

с историей, мать их гуманитарную эти, пользу приносят! Да не опосредованную когда-нибудь потом, а прямо сейчас! Не напрямую, ясен-красен, но приносят.

– Да и... – дёрнув плечом, усмехаюсь кривовато, – не вдруг урежешь-то, даже если пользы вот прям сейчас и нет! Знаешь, какая психологическая атака мощная вышла, с социальными проектами? Люди сюда ехали, привлечённые конкретными программами, а сейчас... знал бы ты, как пристально за этими программами следят! Это фундамент, на который всё здание государственности опирается.

– Чутьочку, – теперь уже я показываю пальцами, – урезать, и всё... волна может пойти. Принцип домино.

– Из производства тоже изымать ничего нельзя, – предупреждаю вопрос, – Если изыму сегодня, то завтра или через месяц недополучу прибыль, которую не смогу пустить на те же социальные проекты. Долгострой у меня и так заморожен, а всё, что в ближайшие месяцы прибыль обещает, трогать нельзя!

– А на государство часть хлопот скинуть? – поинтересовался напряжённо брат, наклоняясь вперёд, – Никак?

– Што можно – скинул, – усмехаюсь криво, – а можно немного. Всё ж на живую нитку сшито – в одном месте потянешь, весь костюмчик и расползётся. Всё ж надо! Промышленность, сельское хозяйство, медицина, оборона, школы... А переселенцам? Дай, дай, дай... и слава Богу, што едут пока, што не перекрыли путь-дорогу! Неоткуда выдернуть от

государства, ни копеечки единой.

– Хм... – допив чай и с хрустом разжевав пару ледышек, Санька соскочил с перил, – давай вместе попробуем покумекать.

– Хм... – это уже я, преисполненный вполне понятного сомнения, – ладно, давай попробуем!

Закопаться в бумаги, копаясь в циферках, Санька мне не дал. Вместо этого он козликом проскакал по верхам, фонтанируя помётом завиральных идей, нимало не смущаясь моему фырканию и отказам.

– ... стоп! – напряжённо перебил я брата, – Ещё раз!

– Именные стипендии, – повторил он терпеливо.

– Именные, именные... – забормотал я как припадочный, щёлкая пальцами, – вот оно!

– Никак набрёл на што полезное? – удивился брат.

Набрёл, набрёл! – киваю ему и пока не забыл – записываю, – Предложим промышленникам и купечеству меценатами побыть.

– Не ново вроде? – осторожно осведомился Чиж.

– Меценатство не ново, – соглашаюсь с ним, – но если предложить не просто в газетах печатать, а... да хоть Аллею Славы! Аллеи. Дескать, такой-то имеряк на свои деньги выучил... и табличка бронзовая на этой аллее – кого именно он выучил. Сколько народу выучил – столько табличек, память – на века!

– О как, – впечатлился брат, – Да, толково! Много хоть

сэкономить?

– Ну... – задумываюсь ненадолго, – мелочь по большому счёту – тысяч пятьдесят если за год, уже хорошо.

– Мелочь... – ностальгически усмехнулся брат.

– Ох, Сань... – я с силой потёр лицо, – знал бы ты, какие суммы нам нужны...

– Ну если пятьдесят тысяч мелочь, – осторожно начал он, – то...

– Миллионы, Сань, миллионы... – подтвердил я невысказанное, – и боюсь – придётся мне заняться дополнительной эмиссией акций¹⁷ или чем-то ещё в том же духе.

– А это... – не договаривая, брат замолк, вопросительно глядя на меня.

– А это та ситуация, – упав на стул, мрачно говорю я, – когда я могу разориться, что хотя и неприятно, но общем-то не страшно... Страшно, Сань – то, что разориться я могу без какой-либо пользы для Кантонов. Финансовые авантюры – ни разу не мой конёк, а иного выхода я пока не вижу... Кто б подсказал!

---

¹⁷ Дополнительной эмиссией называют процесс выпуска компанией новых ценных бумаг. Процедура негативно сказывается на стоимости акционерного общества и самих акций. Основная причина проведения – необходимость привлечь новый капитал.

Четвёртая глава

Огромные окна в кабинете шерифа распахнуты настежь, по кабинету гуляет жаркий, ленивый африканский сквозняк, с простодушным любопытством дикаря трогающий придавленные пресс-папье бумаги на столе. Клубы сизого табачного дыма, поднимаясь к потолку, медленно, как бы нехотя выплывают на улицу, истаивая под неистовым, яростным светом солнца.

Курит Сергей Алексеевич много, так что побелка уже изрядно пожелтела, да и геккончики, охотящиеся в комнате, кажется, пристрастились к никотину. Во всяком случае, они уже не чихают, пытаясь убежать от облачка табачного дыма, а остаются на месте, принимая вид джентльмена в курительной комнате. Всё здесь пропитано запахами кофе, табака и бумажной пыли, а иногда к этому своеобразному букету ветер добавляет цветочной пыльцы или ароматы выхлопных газов с улиц Дурбана.

– Будешь? – поинтересовался Жуков вместо приветствия, указывая на кофейник. Я, уже зная по опыту его манеру общения, киваю молча и устраиваюсь поудобней на стуле напротив. Верный его секретарь-делопроизводитель без лишних слов начал возиться подле спиртовки. Вскоре по комнате поплыли ароматы первоклассного кофе с нотками корицы, ванили и ещё полудюжины специй, до которых шериф

большой охотник.

Вручив нам по чашке и поставив на стол кофейник на серебряном подносе, секретарь молча пристроился к торцу стола, зевая то и дело до выворота челюсти и потирая красные вурдалачьи глаза человека, который и сам забыл, когда в последний раз спал досыта. Шериф, так же зевая, изогнулся и ногой подтянул к себе пустой стул, после чего развернулся полубоком, закидывая на него ноги в истоптанных полуботинках.

– Устал, сил нет... – повинился он за столь вопиющее нарушение этикета, но я только фыркнул, разливая всем кофе. Мы знакомы несколько лет, и прошли за это время такое, что право слово, можно и не обращать внимания не лишние условности!

– Сливки? – интересуюсь у секретаря, явно настроившегося подремать.

– У-у... – мотнул тот головой, прогоняя наваливающийся сон, и взяв чашку, щедро набухал коричневого, неочищенного тростникового сахара.

– Нашли крота, – деликатно позвякивая ложечкой, буднично сообщил шериф, не выпуская изо рта дымящейся трубки, – веришь ли, из старичков. Механик первого авиаотряда, он и сливал.

– Н-да... – у меня ажно голова разболелась – так, что пришлось ненадолго поставить чашку на стол, – а казалось бы – какая проверка была!

– Была! – спокойно кивнул Жуков, вынимая трубку изо рта и осторожно пробуя кофе вытянутыми губами, – И я склонен полагать, што на тот момент чист был наш крот, аки свежевыпавший январский снег. Потом уже то ли нашли к нему подходец, то ли сам идеями терроризма и радикализма воспылал, тут пока сказать не могу.

– Чего так? – удивился я, зная за давним знакомым редкостный перфекционизм и дотошность.

– Ну... – пожав плечами, шериф отпил наконец-то кофе и крепко, со смаком затянулся, – взять его в любой момент можем, но вот стоит ли? Раскрытый агент – ценность немалая, как по мне, особенно ежели ни он, ни его руководство об том не ведают.

– Деза? – интересуюсь для порядку и уже прикидываю, что именно можно слить через такого агента.

– Она самая, – кивнул хозяин кабинета и снова зазевал, прикрывая рот рукой, – мы по чуть информацию стравливали, ну и смотрели – где и как всплывёт. Вот оно и... хм, всплыло.

– Один? – приподнимаю бровь, показывая скепсис, – Информация – ладно, но самолёт для этих чёртовых террористов он как смог стащить-то?

– А, это... – шериф усмехнулся, – ничего хитрого, на самом-то деле. Все ж проверку прошли...

Он саркастически скривил губы, и я медленно кивнул. Многие после войны полутонов не различают, и если с кем-

то сидели под пулями в одном вонючем окопе, а пуще того – лазали по британским тылам, то человек этот априори свой, без обиняков! Глаза закрывают, видеть ничего плохого не хотят решительно! Носом ткни, не поверят...

... а и ещё хуже бывает – это когда в голову гвоздём влезают мысли о том, что если он на фронте был, то теперь у него как бы индульгенция на неблагоприятные поступки. Он право имеет! Кровью заслужил!

– Потихонечку, – решил всё же уточнить Сергей Алексеевич, – деталь заранее заменить, когда она ещё далека от изношенности, в мастерских заказать на одну-две больше – вот и накопилось на неучтённый самолёт. Пилотировать ты его сам научил, как и остальных механиков – из тех, кто пожелал. Остальное...

Он пожал плечами и постучал пальцами по папке с бумагами – дескать, захочешь потом подробности, так вот они!

– А на огрехи неизбежные охрана глаза закрывала, – пробормотал я, потирая подбородок, на котором всю лезет юношеский пух, и благо ещё, что не с прыщами впополам! – потому как свой, а значит – априори безгрешен!

– Не то чтобы мне сильно жалко Сандро с Ксенией, – усмехнулся по-волчьи шериф, – но подкузьмил нам этот крот знатно! Случись чево, на нас и выйдут, и доказывай потом, что мы ни сном, ни духом!

– Выйдут, – сказал секретарь, наливая себе ещё одну чашку, – непременно выйдут! Не сейчас, так годочков через

несколько выплывет эта история, и нам тогда конфузливо придётся!

Я отмолчался, отпивая кофе по чуть и мучительно пытаюсь впихнуть этого чёртова крота в политическое уравнение. Впихивалось скверно, вместо выстраивания стратегии или хотя бы тактики, в голову полезли воспоминания о механике, с которым мы, между прочим, хоть в дёсны и не лобызаемся, но вполне себе приятельствуем! Вот и думай...

А я ведь всегда говорил и говорю – есть проблема, так подходите, вместе решать будем! Нет... а почему, собственно? Проблемы стыдная? Иль может быть, я в горячке отмахнулся – дескать, потом, не до тебя! А он и обиделся... Или что? Что ему не хватало? Неужели и в самом деле радикализм дрожжевым тестом выпер? Ой не верю...

Чтоб за короткие сроки, да у человека, приставленного к важному делу, от которого напрямую (!) зависит судьба целой страны, притом страны, выстраиваемой по социалистическим лекалам, и так резко мировоззрение поменялось? Очень странные дела...

– Значит, так... – медленно сказал я, ставя чашку на поднос, и Жуков разом подобрался. Я ему хоть и не начальник, но дело это напрямую касается моих интересов, и соответственно – решать всё равно через меня придётся, – Крота этого не трогать, а через пару неделек надо будет перевести его на какую-нибудь другую должность. Што-нибудь такое...

Я пощёлкал пальцами, подбирая потерявшиеся слова.

– ... да, точно! Штоб должностишка выглядела вкусно и многообещающе, но крот сидел там на жёстком поводке, сам того не подозревая!

– С Мишкой посоветуюсь сперва, его всё-таки вотчина. Не трогать, – повторяю ещё раз, – и плотно не обкладывать! Я не я буду, если господа-товарищи Гершуни и Савинков за ним со стороны не присматривают! Пусть их... мы пойдём другим путём.

– Со стороны России к нему можно подобраться? – я немигаючи уставился на Жукова, – Может, родственники и друзья-товарищи там остались? С той стороны он подвоха не ждёт. С подбрюшья зайти, а?

– Пожалуй, – чуть помедлив и взяв паузу на пару затяжек, согласился шериф, – Мнится мне, што всё ж таки он не вполне идейный, и террором не враз воспылал. Может, сидит кто на Российской каторге из родных, а ему помочь пообещали, может ещё што... смотреть надо.

– Надо проверить, – филином ухнул делопроизводитель, закивав, и стряхивая ненароком в чашку перхоть с давно немытой большой головы, – непременно!

– Да, Сергей Алексеевич, Савва Игнатьич... – я чуть склонил голову, признавая заслуги делопроизводителя, – верно сказал – выйдут на нас с этим кротом, будь он неладен! Непременно выйдут! Што вы думаете по этому поводу?

– На опережение будем работать, – чуть поведя плечами, ответил Жуков после короткой паузы и закусил трубку, де-

лая затяжку, – Савинков с Гершуни несколько даже бравируют финансовой... хм, всеядностью и неразборчивостью, готовностью сотрудничать с кем угодно ради свержения самодержавия в Российской Империи.

– Так што, господа хорошие, – он суховато усмехнулся, – никто и не удивится, ежели окажется, што у них налажены контакты не только с финансовыми кругами некоторых стран, но и со спецслужбами оных.

– Не ново, – киваю согласно, зеркала усмешечку, – Старая формула: противники существующего режима в твоей стране – есть злобные уголовники и террористы, а точно такие же противники существующего строя в странах недружественных – доблестные борцы за свободу.

Жуков фыркнул устало и открыл было рот, но я предупредительно приподнял руку, пока заарканенные мысли не вырвались и не убежали прочь дикими мустангами.

– Ситуация нам известна, и потому нужно перекинуть контакты от нас... да собственно, и не очень важно, к кому. Нас устроят как внутренние разборки Дома Романовых, так и интересы финансовых кругов Уолл-стрита. При необходимости – создать нужную доказательную базу... Ну да не мне вас учить, Сергей Алексеевич. Со своей стороны обещаю всемерную поддержку, насколько это вообще возможно. Люди, деньги, идеи...

Он молча прикрыл глаза, зная моё отношение к убийству Великокняжеской четы и о последствиях этого теракта. Не

то чтобы я принципиальный противники террора вообще...
... но вот использование для этой цели авиации нам сильно навредило. Чего стоит один только вспыхнувший разом интерес к зенитной артиллерии...

— А через крота... — я чуть задумываюсь...

* * *

— ... мы сольём нужную информацию Савинкову и Гершу-
ни, сыграв ими втёмную, — закончил я объяснять свою идею
Мишке, прилетевшему вчера в Дурбан по делам Генштаба.

— Хм... — встав с дивана, Пономарёнок башней возвысил-
ся в гостиной и принялся расхаживать, меряя шагами ком-
нату, враз уменьшившуюся в размерах.

— Слить... — он покусал губу и выдохнул шумно, — ладно,
возможно. Не так просто, как ты думаешь...

— Хм... — чуточку ёрнически спародировал его Фира, и
брат замолк.

— Я чево-то не знаю? — кротко поинтересовался он, но тут
же понял свою оплошность.

— Ах да... — лающе рассмеялся Мишка, — действительно,
чево это я... опыт у тебя в этих делах побольше моего! Со-
всем я зазнался...

— Это заразное, — очень серьёзно сказал Санька, вкусно
хрустя каким-то фруктом, — был человек как человек, а лет
через несколько будешь ходить строевым и считать всех, кто

не в мундире, струками и шпаками.

– Да уже... – пробормотал Мишка, потирая лицо и встряхиваясь, – и всё же! Ладно – слить какую-то информацию, здесь в общем-то верю – справимся. Легкомысленно относиться к дезинформации не стоит, но... в общем – да, реально. Но уговорить их решить за нас проблему с болгарским Фердинандом? Я чево-то не понимаю?

Он вопросительно уставился на меня, а Владимир Алексеевич, в кои-то веки вырвавшийся с работы не ближе к полуночи, а всего-то к восьми вечера, машинально кивнул, соглашаясь с Пономарёнком.

– А кто сказал, што будет легко? – отвечаю вопросом на вопрос, – Уговаривать их, естественно, мы не будем. Информация должна пойти косвенно, притом желательно из разных источников, по кусочкам.

– Та-ак... – заинтересовался Гиляровский, переглядываясь с дочкой. Они большие любители подобных интеллектуально-психологических ребусов.

Недостаток образования у Владимира Алексеевича нивелируется интеллектом, колоссальным жизненным опытом и отменным владением практической психологией. Лишь близкие друзья за холерической натурой и постоянными розыгрышами видят настоящего Гиляровского – умного, тонко чувствующего человека, способного просчитывать своих противников на несколько ходов вперёд и играть на нескольких метафорических шахматных досках разом.

– Схема, собственно, не нова, – неторопливо начал я, собираясь с мыслями, – Савинков и Гершуни – не просто радикалы, но люди крайне тщеславные, падкие на славу. Громкие политические убийства, притом не только в Российской Империи – основа основ их организации. Будут громкие акции – будут новые боевики, финансирование и разумеется – слава.

– Пожалуй, – охотно согласился дядя Гиляй, – я склонен полагать, што в настоящее время они обсуждают несколько акций сравнимого масштаба, и как минимум к одной ведут подготовку.

– Получается, нам надо просто слегка подтолкнуть их в нужном направлении, – задумчиво подытожила Надя, переглядываясь с подругой.

– Подтолкнём? – я посмотрел на задумавшегося Владимира Алексеевича.

– А пожалуй... – медленно ответил тот, подкручивая усы, – Болгария мне не чужая¹⁸, а видных отечественных славнофилов я всех знаю лично. Кому и што писать... хм...

Он выпал из беседы, но судя по хитрющей физиономии матёрого котяры, замыслившего очередную пакость – удачно. В голове у Владимира Алексеевича сырая идея начала оформляться должным образом, и я нисколько не сомневаюсь, что несколько дней спустя на свет божий появятся детища сегодняшней беседы, и несомненно – дельные! Быв-

---

¹⁸ Гиляровский воевал в Русско-Турецкую, хотя и на Кавказском фронте.

ший мой опекун не состоит из одних только достоинств, но именно что репортёр он на редкость дельный, и общественное мнение привык не только раскачивать, но и формировать.

– Это понятно, – медленно кивнул Мишка, взявший на себя, очевидно, роль адвоката дьявола, – мнение мы, можно сказать, раскачали. Я даже не сомневаюсь, што даже если прямо сейчас в твоей голове нет ещё плана, как нам натравить Савинкова на Фердинанда вот прямо сейчас, то ты его придумаешь.

– Придумаем, – поправляю брата, – это, собственно, самая сложная часть плана.

– Это? – Мишка вскинул бровь и скрестил руки, – А мне-то, скудоумному офицеру Генштаба, всё мнилось – дескать, самое сложное, это скормить информацию кроту и террористам так, штоб они ни секундочку не усомнились, што это чистая правда, и что решение, принятое в свете полученной информации, их собственное, а не навязанное извне!

– Я ведь правильно понимаю, и ты не хочешь, штобы лет через несколько выплыла бы информация о нашем якшании с террористами? – надавил он голосом, мастерски оперируя интонациями.

– Правильно, – улыбаюсь как можно более благожелательно, но чувствую – выходит скорее ехидно!

Скрестив руки на груди, Мишка воздвигся надо мной памятником, выжидательно глядя сверху вниз.

– Да просто всё, – не тушуясь, плюхаюсь в кресло и смотрю на брата снизу, – Помнишь, ты говорил, што надо бы на-помнить матабеле, по чьей милости они живут?

– Это как связано? – растерялся брат.

– А Коля звал на облавную охоту, – гну я свою линию, – вот я подумал... а если совместить?

– Вот смотри... – приглашающе хлопаю рукой по соседнему креслу, и Мишка охотно усаживается рядом, с облегчением прекращая дурацкое соперничество, на которое нас подталкивает пубертатный возраст, – если мы пригласим на сафари нужных людей, включая старичков из первого авиаотряда, это будет выглядеть естественно?

– Вполне, – кивнул брат, – отдохнуть в старой компании, развеяться... погоди! До Колькиных земель далекова...

Он откинулся и замолк.

– ... ах вот оно што, – засмеялся брат, – на аэропланах, да?

– Угум, – киваю я, с облегчением видя прежнего Мишку, который просто – брат, а не офицер, радеющий за честь Генштаба, – и матабеле проникнутся, и вечеринка на славу...

– ... и кроту под таким соусом можно будет скормить любую дезу! – выдохнул брат.

– Да и не только кроту, – после еле заметной паузы добавил он раздумчиво, – На эту ось можно... нужно понакрутить много чего интересного, очень уж ситуация выходит яркая и нестандартная. Да... один ход, а сколько всего сделать можно!

– Надо будет сценарии проработать, – предложила Фира, прикусывая нижнюю губу и явно прикидывая вчерне два-три интересных варианта.

– Втёмную? – поинтересовался Санька, – Я к тому, что такая орава с актёрством точно не справится, особенно когда подопыют. Может, слить самым болтливым информацию заранее, а потом, на сафари, мы эти темы тихохонько поднимем, и будет наш крот искренне считать, што добыл её самолично!

... на том и порешили.

* * *

– ... да, Ежи¹⁹ всю старую гвардию собирает. Да, да... все приглашены...

В просторном, полупустом высоком ангаре со сводчатыми потолками и каменными полами звуки разносятся хорошо, да собеседники и не думают понижать голоса. Шум станков из соседнего цеха еле слышен, а здесь, в предбаннике известного всему миру конструкторского бюро, тишина и чистота, сравнимые с операционной.

На полу и на станинах разобранные двигатели, экспериментальные модели самолётов и автомобилей, остро пахнущие металлом и смазкой. Местами разложены чертежи, и ме-

---

¹⁹ Ежи – у поляков Георгий или Егор.

ханики нет-нет, да и подойдут к бумагам, хмыкая и почёсывая стриженую голову замасленной рукой.

Народу немного, едва ли десяток человек, но каждый – на вес золота! Заработки в ЮАС немалые, а квалифицированный профессионал, элита-элит рабочего мира, может позволить себе снимать не только квартиру, но пожалуй, и особнячок с чернокожей прислугой!

Здесь же, в опытовом цеху, заработки такие, что право слово – оторопь берёт! Даже по щедрым меркам ЮАС – невообразимо много! Правда, и требования соответствующие.

– ... а и правда ведь, прекрасная идея! – отозвался себе-седник хрипловатым баритоном, – Давненько мы не собирались вот так запросто – всем составом и без лишних формальностей!

Узнав голос Кошчельного, Аляксандр Рыгорович²⁰ обратился в слух. Не то чтобы он надеялся услышать стратегическую информацию государственного масштаба, но порой и в обыденных разговорах начальства проскакивает что-то небезынтересное.

Даже если это всего лишь сплетни из бухгалтерии или пикантная подробность вчерашних нетрезвых походов, полезно быть в курсе подобных вещей, что для человека понимающего самоочевидно. Сегодня эта информация бессмыс-

---

²⁰ Без аналогий! Просто конкретно это имя вошло в мой мозг штопором, и я таки сдался!

ленна, а завтра, быть может, именно она станет увесистым аргументом в пользу твоего повышения или иной жизненной приятности!

Лёжа под кузовом грузовика на деревянном поддоне из тонких упругих реек, Аляксандр Рыгорович, не глядя, брал то один, то другой инструмент из лежащих рядом, изображая работу и напряжённно вслушиваясь в разговор. Начальник с собеседником остановились буквально в нескольких шагах от механика, ненадолго прекратив беседу.

Скрежетнул кремешок зажигалки, и по ангару поплыл сладковатый запах дорогого табака.

– Облавная охота... – пан Кошчельный, окутываясь клубом дыма, ностальгически захмыкал в густые усы, – прямо как в славные времена Ржечи Пасполитой!

Механик не видит его, но настолько хорошо выучил привычки начальника, что очень живо, прямо-таки синемаатографично представил эту сценку.

– Пан Тадеуш... – укоризненным тоном сказал собеседник, – ну право слово, ваши попытки натянуть историю двухсотлетней давности на реалии века двадцатого...

" – Феликс! Феликс Щенсны!" – наконец опознал Аляксандр Рыгорович второго собеседника, и кровь гулко шарахнула по барабанным перепонкам. Не то чтобы "Счастличик" такой уж редкий гость на опытовом производстве, вот уж нет! Рыгорович лично ему представлен, при встречах здороваются за руку и...

... механик засомневался ненадолго, а не лучше ли ему вылезти из-под автомобиля и подойти поздороваться? Здесь есть как плюсы – с возможностью вклиниться в беседу, так и минусы – не факт, что при человеке стороннем они обро- нят что-нибудь... этакое. Лишнее. Не предназначенное для третьего лица.

Ведь как ни крути, но он, Аляксандр Рыгорович, "Счаст- ливчику" лишь представлен, в то время как пан Кошчель- ный с ним давно и плотно дружит. В подобном непринуж- дённом разговоре, когда собеседники полагают себя беседу- ющими тет-а-тет, всплывают порой о-очень пикантные по- дробности! А уж правильно ими воспользоваться...

– Пан Феликс! – кашлянув нетерпеливо, перебил Кош- чельный военачальника, – давайте не будем спорить по повод- у виденья истории! Я считаю, что она движется по спирали и сюжет неизменен, а в этом спектакле меняются лишь деко- рации да имена актёров. Вы, марксисты, можете считать ис- торию последовательной сменой поколений при совершенно изменившихся условиях.

– Ладно! – засмеялся Феликс, – Ваша взяла! В самом деле, вы имеете право смотреть на мир через стёкла любого цвета! Кто из нас прав... Полагаю, судить будут потомки, и не факт, что беспристрастные.

– Вы правы, пан Щенсны, – отозвался Тадеуш, мешая формальное обращение с фамильярным прозвищем, тем са- мым как бы принося извинение за неуместную историче-

скую ностальгию. Добрые приятели, они придерживаются не слишком-то схожих политических взглядов, а пана Кошчельного подчас заносит с историческими ретроспективами.

Дзержинского можно назвать марксистом, хотя ортодоксальность его взглядов изрядно потрёпана африканскими реалиями. Сложно оставаться неуступчивым ортодоксом, когда Судьба, вознёсшая тебя едва ли не на вершину Олимпа, требует гибкости ума и понимания момента, а никак не политической девственности! Да и интернационализм его, столкнувшись с африканскими аборигенами, затрещал по швам.

Кошчельный же имеет взгляды хотя и социалистические, но изначально далёкие не только от марксизма, но и от какой-либо интернациональности. Выросший вдали от Родины, он с большим и не всегда уместным пиететом относится к истории и культуре Польши, продавливая свою позицию с упорством миссионера и грацией носорога.

– Воздушная охота... – с нотками мечтательности произнёс Феликс, выдыхая дым.

– Первая в истории! – уместно перебил Тадеуш друга, и далее они со вкусом обсудили предстоящее действо. Дзержинский всё время сбивался на политический аспект будущего мероприятия, список приглашённых гостей и возможность обсудить тот или иной вопрос с нужным ему человеком в неформальной обстановке.

Тадеуш высмеивал излишне формализованный подход и

дразнил тем, что он-то славно поохотится и крепко надерётся со старыми друзьями... К чёрту политику!

Дзержинский отшучивался, отругивался, но вынужден был признать, что в карьере политика есть свои минусы, а профессиональная деформация уже начала корёжить праведную марксистскую душу!

– Всё, всё... – засмеялся наконец Феликс, – твоя взяла, пан Тадеуш! Признаю, карьера политика имеет куда как больше минусов, если сравнивать с карьерой инженера! В своё оправдание обязуюсь заниматься на охоте не только делами, но и повеселиться от всей души!

– То-то... – назидательно сказал пан Кошчельный, и они, поговорив ещё немного, удалились прочь.

Аляксандр Рыгорович некоторое время молча лежал под грузовиком, пытаясь переварить услышанное. Получалось... получалось, ему – кровь из носа – надо попасть на эту охоту!

– Я што, не из старой гвардии? – шёпотом произнёс он, накручивая сам себя и придумывая всё новые и новые аргументы как для спора, так и для обиды на Егора, оставившего заслуженного человека без приглашения. Вариант, что механик останется без приглашения, более чем возможен.

Положа руку на сердце, птица он не того полёта, чтобы парить на одном уровне с такими людьми, как Дзержинский или Панкратов. Его удел, это демократичное рукопожатие при встрече, групповые фотографии пятым слева в девятом ряду, да поздравления "к датам", когда начальственная рука

самолично пишет несколько строк на открытке.

Он и без того получил немало! Не считая возможности гордиться собой и неизбежных фотографий в учебниках истории (пусть даже и в пресловутом девятом ряду), были преференции не только моральные, но и вполне материальные. Крупный участок под застройку в предместьях разрастающейся Претории, дом в Дурбане, который ныне сдаётся, принося своему владельцу не самые большие, но и далеко не маленькие средства. Наконец, возможность взять кредиты под столь низкий процент, насколько это вообще возможно, будет он решится завести дело, и десятка два не столь очевидных, но вполне ощутимых приятностей.

Если брать "Старую Гвардию" вообще, а тем паче ранжировать их по заслугам перед ЮАС и Кантонами, Аляксандр Рыгорович влезает в условную роту, как в старые штаны – с большой натяжкой и не застёгивая. А вот если судить с позиций формальных, то... повод для обиды имеется!

Он из тех, Первых! У истоков авиации! Заслуженный человек! А его...

– А вот шишь вам, – прошептал он, выкатываясь на поддоне из-под кузова грузовика, – Аляксандр Рыгорович всех вас продаст и купит!

Обиды, действительные и мнимые, ржавчиной обгладывали душу механика. Он уже забыл, как после победы ему предлагали карьерный рост, помощь в становлении производства и многое другое. Давай, Рыгорович! Поможем!

Отказался... по какой уж причине – не важно. Решил, что не вытянет и не стоит прыгать выше головы? Испугался резкого взлёта? Пожалуй.

А потом разъело душу, и как-то так повернулось в его голове, что уже не он сам отказался, а его оттолкнули бывшие товарищи! А предложения помочь... да право, были ли они!? Это ведь всё так... формально было, неискренне. Без должного уважения!

Аляксандр Рыгорович искренне считал, что прав именно он, и что это только его решение...

... а Джордж Бергманн, он же Сидней Рейли, он же Зигмунд Маркович Розенблюм, уроженец Одессы, считал иначе...

– Без меня, значит? – прошептал Рыгорович, не вставая с поддона, – А вот это мы ещё посмотрим!

В голове его закрутились шестерёнки мыслей, отсеивая одну идею за другой и...

– Вот оно, – пробормотал он, улыбаясь так, что позавидовал бы голодный крокодил, – Зазнался Егор Кузьмич, зажрался! Неинтересно ему боле с простым человеком ручкаться, в этих... сферах витает! Высших. Ну-ну...

Пройдясь мысленно по поводу зажавшихся начальников, которые ещё недавно из общей миски холопские щи сёрбали, а сейчас знаться не хотят с бывшими товарищами и вообще...

– Рыгорович, – вытирая замасленные руки чистой тряпи-

цей, окликнул его подошедший коллега – нестарый ещё, но какой-то неказистый, корявый мужичок с вечно взлохмаченной рыжеватой бородёнкой, – ты чавось разлёгси то?

– А? – нервно вздрогнул Аляксандр Рыгорович и рассмеялся принуждённо, – Задумался, Иваныч, чево тебе?

– Дык ето... – Иваныч не сразу собрался с мыслями, он из тех работяг, что думают руками, а головы им так, для общей комплектности и чтоб шапку носить! А... ну да, ещё есть в неё!

Люди такого рода часто косноязычны и кажутся едва ли не умственно отсталыми. Но стоит им взяться за работу, как становится понятно, что впечатление это обманчиво, а работа каким-то нутряным чутьём понимает, что и как нужно сделать, нередко давая сто очков форы специалистам с университетскими дипломами.

Используя преимущественно предлоги, мат и неопределённый артикль "бля"²¹ для связки оных, работяга тыкает

---

²¹ Экзаменационный билет в американской школе разведки: Перед каким словом в вопросительном предложении – "мужики, кто крайний за пивом?" – надлежит ставить неопределённый артикль "бля"? Да, собственно, везде: – Бля, мужики, кто крайний за пивом? – Мужики, бля, кто крайний за пивом? – Мужики, кто, бля, крайний за пивом? – Мужики, кто крайний, бля, за пивом? – Мужики, кто крайний за пивом, бля? Но, конечно же будет: – Мужики, бля, кто, бля, крайний за пивом, бля? На самом деле все зависит от того какую дополнительную информацию ты хочешь сообщить очереди. Разберем ваши варианты: 1. Какая очередь длинная – то. Ну ничего, постою с мужиками. 2. Вот ведь выстроились тут, а я думал не будет очереди. Как я вас ненавижу, алкашей. 3. Ну вот ведь, конец очереди не найдешь. Ровно в очереди стоять не можете. 4. Ох, ну хот пиво есть. Хотя я предпочел что покрепче 5. Максимально нейтрально.

корявым пальцем (неизменный атрибут людей, "думающих" руками) в проблему, тут же предлагая решение и претворяя его в жизнь. А вот объяснить, как это у него получается, он в принципе не сумеет! Чертёж читать, это запросто... а в будничных путях!

– Так ето... – повторил работяга, собираясь с мыслями и убирая тряпицу в карман комбинезона, – помочь нужна! Поддержать, тово-етово... ну и покумекать вместе, коль время есть.

– Найдём, Иваныч! – дружелюбно отозвался Аляксандр Рыгорович, вздёргивая себя на ноги и пинком закатывая поддон под грузовик, чтоб не мешался в проходе, – Кому иному, а тебе-то... пошли!

– Заковыка, понимаешь, тово-етово, – идя по широкому проходу меж полуразобранных механизмов и работающих людей, бубнил польщённый Иваныч, искренне считая что не вываливает на человека плохо связанный набор слов, а весьма толково вводит коллегу и приятеля в курс дела, – Инженерá, значица, подсуропили, ети их... Кхе! Задачку мне, стал быть, подкинули, сукины дети, а я вот тут...

– Ничево, Иваныч, – отозвался Рыгорович, подделывая язык под заскорузлые уши коллеги, – я не из тех, которые зажралися. Я как был простяга, таким и остался, не то што ети, из начальства которые!

Проблема Иваныча оказалась из тех, когда одна голова хорошо, а у семи нянек – дитя без глазу.

– Этическая сила! – получасом позже понял наконец суть проблемы Аляксандр Рыгорович, – Они ж, инженерá яйце-головые, каждый свою часть работы сделали, а как оно вместе будет смотреться, на этом их соображалка и всё! Вот же ж дурни!

– Так ето... – Иваныч замялся, собираясь с мыслями, пока Аляксандр Рыгорович ещё раз проглядывал чертежи и убеждался, что с технологичностью двигателя дела – полный швах! Идей и идейек на чертеже полнёшенько, но все они хороши сугубо по отдельности, а вместе – химера механическая! Сделай такую, и все лошадиный силы на пердячий пар изойдут, безо всякого толку.

– Да давай... – механик подхватил чертежи в одну руку, уцепив приятеля другой, – пойдём ругаться, Иваныч! Пойдём, пойдём! Куда ж я без тебя?

Обсуждая головожопость молодых инженеров и проблемы у работяг, возникающие от чужой, стал быть, глупости, они подошли по усаженной платанами аллее к двухэтажному зданию конструкторского бюро. Охранник на входе, крепкий однорукий мужчина с револьвером на поясе и глазами матёрого убийцы, пропустил их без вопросов, ухмыляясь в прокуренные усы. Какие, к чёртовой бабушке, пропуска? Свои ведь!

В КБ Аляксандр Рыгорович, пользуясь авторитетом гра-

моторного механика и старожилы, влетел в помещение и устроил инженерам разнос, тыкая их носом в чертежи.

— А вот здесь... ась? — прищурился он, не отпуская взглядом вчерашнего студента, пытающегося сохранить остатки самоуважения, — Хитро придумано, но как подлезть?

— У меня, может, дипломов университетских и нет, — выговаривал он, — но на плечах не тыква насажена, а голова, и думать ей умею! Вы, когда придумки свои придумывали, хоть раз взял за труд покумекать, а как оно не на бумаге-то будет? Ась?!

Инженера переглядывались друг с дружкой, хмыкали, открывали было рты... Затем вглядывались повнимательней в чертёжи — туда, куда тыкал грязный палец Александра Рыгоравича, да и закрывали обратно, алея ушами. Чего уж там! За дело...

— Иваныч уж на што мастер... — следовал кивок на косноязычного слесаря, — а и то озадачился! С его руками золотыми, и то исхитриться не сумел! А вы ето в производство хотите? Шалишь!

— Кто тут... — на шум появился воинственно настроенный Кошчельный, — а-а, Александр Рыгоравич! А я-то думал, опять комиссия от Фольксраада без предупреждения пожаловала! Что тут такое...

Сощурившись, он пригляделся к чертежам моментально понял проблему, багровея лицом и всем своим видом обещающая недоучкам суровый разнос, но чуть погодя. Перца на

хвост молодым специалистам он не жалеет, но бережёт инженерский авторитет, считая публичные выговоры хамским моветоном.

Молодых специалистов Кошчельный бросает в работу, как в воду с лодки – на самую середину реки. Выплывает с проектом, так и молодец, а нет... что ж, рядовые исполнители тоже нужны.

Да и закалка... хоть насчёт уверенности в себе, а хоть и самоуверенности! Бесценный жизненный урок.

– Аляксандр Рыгорович! – повернулся пан Тадеуш к механику, и задушевно взяв под локоток, отвёл к распахнутому окну, накалённому солнцем, – Вовремя ты зашёл! Я с утра тебя искал... Ты ж ещё в первом составе Авиаотряда, так?

– Ну... так, – осторожно согласился механик.

– Вот! – воздел палец к небу поляк, – А всё скромничаешь, всё позади норовишь спрятаться! Как дело делать, так Аляксандр Рыгорович нотов ночами не спать, а как за орденами в очередь, так робеешь, аки красна девица!

– Ну... – выдавил Рыгорович, не понимая ни происходящего, ни своей реакции на похвалу. В душе поднялось давно забытое чувство единства, как тогда...

– В общем... – пан Тадеуш закопался во внутреннем кармане пиджака, – а, вот! Персональный пригласительный! Вся Старая Гвардия собирается...

Пятая глава

– Я?! – совершенно искренне изумился Корнейчуков, пробежав сощуренными глазами строчки полученной телеграммы. Похмыкав, он прикусил тронутую шрамом от асегая обветренную нижнюю губу и слегка нахмурил густые брови, пытаясь вспомнить тот разговор, на который ссылается Егор, но безуспешно. В голову пролезли проблемы огромного хозяйства, обустроиваясь с привычной уверенностью завсегдатаев.

– Облава... Хм, – проговорил он задумчиво и снова замолчал. Тишину нарушал лишь мерный рокот деревянных лопастей вентилятора, да тихое гуденье кондиционера²², охлаждающего воздух в помещении телеграфа.

Увидев краем глаза изнывающего от любопытства молодого белобрысого телеграфиста, тщетно пытающегося сохранить равнодушный вид, Николай решил сделать вид, что ситуация под контролем, всё идёт должным образом, и всё-то он понимает. Разобраться с телеграммой можно и потом, покопавшись в геологических пластах памяти.

Подавив неуместное желание объяснить с телеграфистом, плантатор сложил телеграмму и спрятал её в нагрудный карман косоворотки, с неохотой выходя из здания теле-

---

²² Первые прототипы кондиционеров были ещё в 19 веке.

графа на улицу. Жара сразу набросилась на него с липкими, удушливыми объятиями, осязаемой тяжестью навалилась на плечи и намочила спину дорожкой пота.

Корнейчуков заколебался на миг, ностальгически вспоминая прохладу двухэтажного особняка, но чувство долга в очередной раз победило чувство лени.

Хочется... и ох как хочется усестся в любимое кресло, вырезанное из цельного пня красного дерева, стоящее в уютном прохладном кабинете у настержь распахнутого окна. А затем грезить наяву, неспешно выписывая рифмованные строки, с ювелирной дотошностью работая над каждой буквой и создавая восхитительно-необычные образы... Или может быть, проза? Заметки о прошедшей войне или жизни огромного поместья? Воспоминания об Одесском Восстании?

Читают ведь, чорт подери, читают! Два года назад и мечтать о таком не мог, а ныне – читают, да говорят притом, что – талант! Ох, как хочется в это поверить... что ты – талант, и что отныне он может жить, как мечтал когда-то – литературой!

Но суровая действительность такова, что сейчас он интересен, но пожалуй – более как пионер, чьи стихи будоражат воображение не красотой рифм и возвышенными образами, а скорее фактами его биографии! Ярмарочный несколько интерес у читающей публики. Увы.

Угаснет интерес, и что? А у него мать, сестра... дети, на-

конец.

Вспомнив о детях, Николай вздохнул, улыбаясь криво. Да уж, со стороны, наверное, это выглядит интересно... Он и сам бы в гимназические годы охотно прочитал что-нибудь этакое о белом вожде воинственного чернокожего племени, гареме и приключениях в Африке!

Реальность намного более прозаична и отчасти даже скучна, несмотря на едва ли не каждодневные, приевшиеся уже приключения. Бремя! Тяжелейшее... и не бросишь ведь!

Тогда, после едва закончившейся войны, кровь кипела, а критичность мышления была близка к абсолютному нулю. А вожди, не будь дураками, подкладывали чернокожих красавиц, желая крепче привязать к племени именитого воина. Всё по их и вышло... накрепко привязан.

Сильно потом, набравшись политического опыта, Корнейчуков осознал, что бытия племенного бычка и лоббиста племенных интересов в ЮАС вообще и Кантонах в частности, можно было избежать. Но... дети. Не бросать же...

А сами матабеле? Оставь их одних... Нет, они проживут и не впадут в ничтожество, вот уже нет! А вот окружающим племенам не поздоровится... Он и без того с большим трудом остановил резню остатков тсвана, вытесненных на наихудшие земли и пребывающим отныне в роли спартанских илотов. Зато живы...

Хороший народ... куда как более работающий и цивилизо-

ванный, ежели с зулусами²³ сравнивать. А сложилось так, как сложилось! Война!

Ранее, читая запоем мемуары полководцев былых времён, он частенько представлял себя на их месте, и укоряя мысленно за жестокость, думал, что он-то сумел бы смягчить сердца озверевшей солдатни, заставив их служить без канонического "город на три дня!"

Не вышло... Война как стихия, как грозная штормовая волна, которая подхватила тебя, и всех мыслей только – остаться бы в живых! Да где-то там, в глубине сознания – животный непроходящий восторг, от того, что ты – жив! Снова и снова...

В Европе, пусть даже и Средневековой – с инквизицией, религиозными войнами и жесточайшим насилием, всё ж таки было какое-то подобие морали. Притом с античных ещё времён, когда не существовало ещё понятия греха, зато существовали хюбрис²⁴ и дике²⁵, а "город на три дня" был явлением пусть и привычным, но за гранью человеческой нормы, как некая антитеза подвигам и Славе.

А у него – племена, только-только вступившие на путь государственности, и руководствующиеся моралью готтентот-

---

²³ Матабеле входили в состав зулусских племён, но в 1820 г. вышли из союза и пошли своим путём, вобрав в себя (путём завоевания) племена шона (машона) и отчасти их культуру.

²⁴ Хюбрис: дословно "перебор", но обычно расшифровывается как "несправедливость".

²⁵ Дике – справедливость.

ской²⁶! Дышишь с ними одним воздухом, ешь одну пищу, пьёшь одну воду... даже сердца стучат в унисон. Частично – да, подтягиваешь их на свой уровень... а частично – и наоборот!

А ещё понимаешь – когда можно отдавать приказы, а когда тебя просто не будут слушать! А могут и убить... По крайней мере, пытались.

Изрядно он тогда одичал... и озверел. Потом уже оглянувшись на пройденное, и ужаснулся сделанному.

Мог бы иначе? Мягче, цивилизованней? Пожалуй... не слишком, но мог бы. Будь у него десяток-другой подготовленных белых волонтёров, которых можно поставить на офицерские должности, да сотня цветных, воспитанных должным образом.

Передавить европейской дисциплиной и менталитетом обыденную, первобытную жестокость племён, едва вступивших в железный век!

А так, будучи иногда единственным белым на несколько сот, а потом и тысяч вооружённых африканцев... Нет, и наверное, никто бы не смог.

В итоге, для тсвана он стал фольклорным персонажем из

---

²⁶ Термин “готтентотская мораль” восходит к легендарной, но реальной беседе христианского миссионера с одним из представителей южноафриканского племени готтентотов. На вопрос “Что такое плохо?” готтентот ответил: это когда мой сосед побьет меня, угонит мой скот, похитит мою жену. На вопрос “Что такое хорошо?” он же ответил: это когда я побью моего соседа, угоню его скот, похищу его жену.

тех, коими пугают непослушных детей и вспоминают с искренним ужасом несколько поколений. Матабеле же до сих пор недовольны тем, что он не дал вырезать тсвана под корень. Так, как это принято в Африке!

– Р-романтика... – кривовато усмехнувшись, протянул Корнейчуков, давно уже (как он искренне считал) лишившийся остатков иллюзий. Просто...

... кто, если не он?

Раз уж пришлось стать частью племенной структуры матабеле, и так сложилась судьба, он будет тянуть их к цивилизации! Через гарем, через нелюбимых и далеко не всегда красивых дочерей вождей, будущие браки своих сыновей и дочерей с детьми племенных вождей, через феодальное общество – к телеграфам, железным дорогам, школам и больницам!

Криво тянуть. Косо. Как умеет. Потому что... а кто если не он²⁷?

Приняв от молчаливого слуги поводья и взлетев в седло австралийского приклада²⁸, невесть какими путями по-

---

²⁷ "Цивилизаторские" идеи были в то время (да и значительно позднее) довольно-таки популярны в Европе. Условное "бремя белого человека" многие воспринимали вполне серьёзно, видя свою миссию в том, чтобы вывести африканцев (азиатов, индусов) к "Свету". Такие подвижники в итоге как бы "освящали" колониализм, делая его социально приемлемым.

²⁸ Имея стилистические корни от английского седла в дизайне сиденья, панелей, крыльев и стремена, оно имеет гораздо более глубокое сиденье, более высо-

павшее в ЮАС, Николай окинул окрестности, по вьевшейся привычке выглядывая врагов. Война не закончилась окончательно ни для него, ни для тсвана, ни не для десятков, если не сотен племён, многие из которых не поймут самого значения слова "мир".

Добавить в это экзотическое блюдо, томящееся на медленном огне племенных конфликтов и экономических интересов Великих держав привычно-враждебных британцев, горстку беспринципных авантюристов, африканской природы по вкусу... Малярийные москиты, ядовитые насекомые и змеи, ну и разумеется – леопарды, нет-нет, да и пробирающиеся на территорию поместья, привлечённые запахами человеческого жилья.

Да и с матабеле не всё так однозначно! Народ этот безусловно храбрый и воинственный, но никакого "благородства дикаря", нелепой выдумки некоторых европейцев, у матабеле не наблюдается! Воинственность, жестокость, маскулинность – сколько угодно!

А благородство... оно есть, как не быть. Но отнюдь не утрированно-идиллическое, а то самое – Ветхозаветное. Вождь здесь второй после Бога, но он должен постоянно доказывать сакральность своей власти, что не отменяет бесконечных заговоров или как минимум – попыток прощупать

кий угол наклона и наколенники спереди, чтобы создать очень надежное седло, для всадников, которые ездят в суровых условиях или проводят много времени на лошади.

пределы прочности!

Да, заговоры и мятежи в исполнении африканцев имеют несколько иной антураж, и понять суть человеку несведущему часто просто невозможно. Они верят в магию и колдовство, используют части человеческого тела в качестве "лекарств" и могут обвинить человека в колдовстве на том основании, что у него плохо растут волосы на ногах²⁹! Притом обвиняемый может только бежать... если успеет.

Можно посмеяться над попыткой заколдовать вождя по плевку... Но нельзя прощать.

Намерение есть действие, и неграмотный африканец, задумавший известить вождя или одного из его приближённых, совершает попытку убийства, или как минимум – причинения умышленного вреда здоровью! Умышленного!

Сегодня просвещённый Белый Вождь посмеялся над колдуном, отпустив его восвояси, или наказав сугубо символически...

... а завтра члены племени не поймут, если на высоком суку вздёрнут неудавшегося стрелка! В их голове это явления одного порядка...

Объезжая усадьбу, напоминающую одну огромную стройку, Корнейчуков своим присутствием выполнял ту же роль,

---

²⁹ Всё это относится не только к матабеле, но к зулусским племенам вообще. В частности, волосы у мужчин на ногах (на внутренней стороне ляжек) по мнению зулусов, плохо растут потому, что колдуны ездят верхом на гиенах, и потому волосы на ляжках "стираются".

что выполняет канонерка Великой Державы в колонии. Каждодневно напоминая о своём существовании, заглядывая в самые отдалённые уголки, он стимулирует нерадивых работников много лучше, чем любая система наказаний и поощрений.

Он по опыту знает, что стоит ему ослабить внимание всего на несколько дней, и беспечные африканцы начнут лентяйничать, выдумывая себе всевозможные оправдания. Что с того, что завербованы они отнюдь не насильно и получают за свой труд вполне сносное жалование, а дневной урок создан с учётом особенностей племени?

Менталитет скотоводов, сложившийся за тысячи лет, не изменишь в одночасье! Хотя племена зулусов и не чужды ни земледелию, ни ремёслам, но основа их благосостояния – скот! А работа африканского пастуха заключается в том, чтобы сидеть на пригорке и поглядывать по сторонам, высматривая хищников. Самая главная их задача... не заскучать! Какой уж там монотонный физический труд...

"– Тсвана куда как способней к работе", – мелькнуло в голове молодого плантатора при виде мускулистых фигур воинов матабеле, танцующих возле строящейся ограды крааля. Тронув пятками коня, он подъехал к засмущавшимся чернокожим.

– Вы как дети! – резко сказал Корнейчуков, хмуря брови и особое внимание уделяя немолодому старейшине, выполняющему роль бригадира, – Мужчины знают, когда можно

веселиться, а когда нужно работать, и если надо – умеют работать весело!

– Может, они ещё маленькие мальчики? – осведомился он у разом вспотевшего пожилого матабеле, – Тогда им нужно выполнять работу мальчиков и забыть думать о женщинах и пиве!

– Они мужчины, бвана! – старейшина склонил голову, украшенную кольцом, делая небольшой шажочек вперёд, как бы принимая на себя ответственность. Воины тихо зароптали, недовольные покушением на святая святых, то бишь на женщин и пиво.

– Мужчины? – усмехнулся плантатор, окидывая взглядом засмутившихся и разом замолчавших головорезов с рожами, способными напугать любого парижского апаша, – Ну так пусть докажут это работой! Я знаю, что у матабеле даже мальчики – храбрецы, и рождаются с ассегам в руке. Но мужчинами становятся только тогда, когда понимают, что работать нужно больше, чем танцевать и веселиться!

Устроив разнос, и одновременно польстив племенной гордости воинов, Корнейчуков поехал дальше, тая в усах кривоватую усмешку. Сцены такого рода не доставляют ему никакого удовольствия, но приходится заниматься специфической африканской риторикой, держа в голове десятки шаблонов на разные случаи.

Рослый рыжий мерин английских кровей, прядая ушами,

мерно вышагивает по широкой, изрядно разбитой грунтовой дороге, по краям которой высажены тоненькие пока деревца. Лет через двадцать они будут давать густую тень и прохладу, а ныне – только отдохновение для глаз!

А пока... пока вокруг сплошная стройка и будущий парадиз можно скорее угадать! Что-то строится накрепко, на века, а что-то – как временка, и сия архитектурная чересполосица режет глаз всякому человеку, не лишённому от рождения вкуса.

Впрочем, это не в укор, да и рабочие придают строительному ландшафту своеобразную деловитую прелесть растревоженного муравейника. Нет-нет, да и пересекут дорогу кафры, тащащие на плечах пилы, топоры и мотыги, и непременно – с песнями! Танцуют и поют они куда охотней, чем работают.

Повсюду если не грязь, так пыль и навоз, щепа и растаскиваемый ветром тростник. Мычание быков, конское ржание, пение работников, визг пил и стук топоров сливаются в мелодию стройки, самую сладостную для собственника!

Запряжённые могучими быками повозки, неспешно поскрипывающие впереди, заведя хозяина, без нужды сворачивают к обочине, а работники-кафры приветливо скалят зубы, размахивая руками. Иногда Николай достаивает кого-то взглядом, и тогда улыбки становятся настолько широкими, что он всерьёз опасается, что лицо работника треснет пополам от переполняющего его счастья!

Менталитет... Корнейчуков уверенно втиснулся в племенные рамки, и для матабеле он – вождь и старший родич! Подчиняться ему можно и должно, но и вождь, в свою очередь, много чего обязан делать для племени.

С одной стороны – работы на благо вождя в традициях зулусов, хотя и регламентированы от и до! Что можно делать мужчинам-воинам, что – женщинам и детям... А вождь должен кормить работников, поить просяным пивом и по необходимости – разрешать конфликты, выполняя работу судьи.

Последнее – задача не самая простая, ибо судить нужно по справедливости, не забывая при этом племенных обычаев, густо замешанных на прецедентном праве и магических ритуалах, и обязательно – с учётом сложного переплетения родственных, дружественных и имущественных связей. Для этого приходится слушать старейшин... и тщательно фильтровать их советы, потому как они – лица заинтересованные. Непросто, но только так можно быть в курсе всего происходящего в племени!

Патриархальная, практически Ветхозаветная действительность... Но только людям недалёким или неосведомлённым кажется, что плантатор, получивший права племенного вождя, становится кем-то вроде помещика с практически бесплатными работниками! Действительность куда прозаичней, ведь племя инертно, и сдвинуть его, пытаясь заставить выполнять какие-то работы не по тысячелетним заветам предков, практически невозможно.

Да, работники эти очень дешёвы... Но и квалификация их ниже всякой критики! А всё, что нельзя сделать с песнями и танцами за полдня, вызывает у матабеле уныние, и необходимость стоять рядом буквально с палками – у плантатора.

Всё бы ничего... вот только Белый Вождь, в отличие от буров, не может выгнать лентяев к чертям! Это его племя, и его родня, чёрт бы их подрал...

... и работников со стороны нанять он практически не может! Довольствоваться нужно тем, что имеешь! Обходные пути есть, но не всегда удобны, а иногда – не всегда возможны по этическим мотивам.

В результате – самые обыденные действия, вроде построй-ки крааля для скота, требуют как минимум определённого знания этнографии матабеле, и умения применять эти знания на практике. А ещё – политической гибкости, умения маневрировать в хитросплетении родственных связей, и необходимости закрывать глаза на некоторые неблагоприятные поступки старейшин. До поры...

Любая работа вязнет в племенном менталитете, в нежелании старейшин учиться чему-то новому, в гордыне воинов, чурающихся "неправильной" работы. Как камень в болото...

С другой стороны – есть личный авторитет Корнейчукова как военного вождя, родственные связи со старейшинами и вождями матабеле, и...

... личные земли плантатора. Отдельно – собственные, полученные от правительства ЮАС за военные подвиги. От-

дельно – как одного из вождей племени матабеле.

Схема предельно сложная и работает со скрипом, но ведь работает! Нужных ему работников он может нанимать как плантатор ЮАС, перебрасывая затем "командировочных" на нужное направление, маскируя это риторикой и словоблудием. Язык у коренного одессита подвешен, с софистикой и подменой понятий он знаком, да и с красочными метафорами всё в порядке.

Сложно, очень сложно... но чёрт подери, до чего же интересно! Не затрагивая самих племенных основ, выплестать из родовых связей и трайбализма³⁰ нечто новое. Справится ли? Бог весть...

... но ради детей – должен!

Вектор африканской ленивой безалаберности задают белые специалисты и цветные работники из бастеров и гриква, многие из которых имеют вполне европейский менталитет, что куда там немцам и голландцам! На некоторые рожи посмотришь – кафры, ей-ей кафры! И не разглядишь капельку белой крови.

Ан нет... европейское воспитание перебивает африканскую кровь! Ценнейшие кадры. Но...

---

³⁰ Трайбализм – форма групповой обособленности, характеризующаяся внутренней замкнутостью и исключительностью, обычно сопровождаемая враждебностью по отношению к другим группам. Изначально характеризовал систему первобытных, неразвитых обществ, позднее понятие расширилось и приобрело новые направления.

... приходится снова и снова подтверждать их легитимность в глазах матабеле. Редкий день, когда ему не приходится разбирать очередную ссору между матабеле и цветными из бастеров.

Воины матабеле с трепетом относятся к малейшему умалению чести, видя покушение на достоинство там, где его никогда и не было. А тут – чужаки, приставленные командовать... и вообще, а чего они?!

Приходится ехать и разбираться. Снова, снова и снова! Переложить эту работу на плечи управляющего не всегда возможно, матабеле с упорством баранов апеллируют к вождю.

Отчасти, по своим племенным законам, они правы, ведь Корнейчуков вполне официально признан одним из вождей матабеле, а управляющий – человек совершенно посторонний для африканцев! Он имеет право приказывать белым специалистам, гриква и бастерам, нанятым чернокожим из других племён... А они, матабеле, подчиняются только своим вождям!

А бывает, проблемы создают именно цветные. Проживая обыкновенно рядом с белыми, они привыкли к определённой социальной роли, считая чернокожих априори ниже себя.

Только вот матабеле имеют собственное мнение, а уж если в крови цветного течёт "низкая" кровь шона, бушмена или готтентота, скандалу – быть!

Приходится разбираться, кто там прав, кто лев... Не забывая о гордыне матабеле и ни в коем случае не обижая цветных специалистов! Постоянная, непроходящая головная боль.

Впрочем, потихонечку происходит определённого рода диффузия, и цветные начинают взаимодействовать с матабеле без постоянной прокладки в лице плантатора! К сожалению, процесс этот медленный и требует постоянного контроля, ибо такое явление, как коррупция, в Африке неизвестно разве что племенам бушменов, кочующим в Калахари.

Белые специалисты не лучше, местами так и вовсе – каравул! ЮАС, несмотря на все трудности, в настоящее время развивается, и человек, мало-мальски сведущий в африканских реалиях, может сделать карьеру поистине головокружительную! Особенно если имеется хоть капля решимости, образование и совсемалейшие амбиции.

Остаются... Да нет, не отребье, но всё больше свежее испечённые иммигранты, никоим образом не ориентирующиеся в окружающей его действительности, да тюфяки, решительно не склонные к самостоятельной работе.

Ничем не лучше идеалисты, взрощенные книжной пылью и вспоенные библиотечными тётушками на идеях просветителей. Некоторые искренне считают, что если объяснить африканцу, что такое Свобода, Равенство и Братство, то кафр непременно проникнется, вспыхнет, и начнёт строить Царство Свободы – так, как это понимает белый просветитель.

А потом обижаются... и часто, озлобившись – мстят! Невротический идеализм, столкнувшийся с суровой действительностью, часто рассыпается на осколки. Недавно ещё человек разглядывал мир через розовые очки, а теперь он впал в другую крайность, видя реальность уродливой и шрамированной, пребывая в перманентной обиде на неправильное человечество.

А работать приходится с теми, кто под рукой... Отбросов нет, есть кадры³¹!

Всхрапнув, мерин сбился с шага и повёл шкурой на холке, пытаясь согнать укусившего его слепня. Корнейчуков, прервав размышления, прихлопнул зловредную тварь, вытер руку о конскую гриву и успокаивающе похлопал Малыша по потной шее.

– Всё, всё мой хороший... убили гадину!

Будто поняв что-то, мерин фыркнул, кивнул головой благородной лепки, и кажется, даже пошёл веселей. Сам же плантатор, отбросив философствование, принялся решать проблемы практического характера.

Одетый по заветам буров, очень просто и практично, Николай побывал буквально в каждом уголке усадьбы. Заехав к котловану будущего противопожарного пруда, он заметил откровенную ленцу работников, и подъехав к распорядите-

---

³¹ Слова эти приписываются то Канарису, то Вальтеру Николаи, но в общем и целом – немецкая разведка руководствовалась именно этим девизом.

лю работ, соскочил с седла и одними глазами задал безмолвный вопрос.

– Бвана... – немолодой гриква поклонился еле заметно, и только затем пожал протянутую руку.

– Снова? – осведомился Николай, некоторое время удерживая того за руку и тем самым показывая матабеле, какой важный человек над ними поставлен.

– Да, бвана, – кивнул цветной, доставая тетрадку с записями, – здесь все бездельники записаны, и кто воду мутит.

Бегло просмотрев, плантатор вернул тетрадку гриква, носящему вполне прозаичное для протестантов имя Адриан, и образованному получше большинства российских мещан. Свободно владеющий, помимо африкаанс, немецкого и английского ещё десятком африканских языков и наречий, он бегло считает в уме, знаком с основами механики...

... и если бы не чёртовы превратности войны, начисто разорившие преуспевающего торговца, чёрта с два Адриан он стал работать на кого-то! В общем, человек явно неординарный, и неудивительно, что плантатор присматривается к цветному... Ну а тот, в свою очередь, к нанимателю.

– Бездельники... – задумчиво протянул Корнейчуков и встряхнул головой, – ладно! Не понимают по-хорошему, будет по-плохому!

Адриан изобразил на лице сомнение, но смолчал. Он вполне независим, но ещё недостаточно хорошо изучил патрона и не знает, когда можно спорить, а когда – нужно мол-

чать.

– Скажешь им, – усмехнулся плантатор, – что плохие работники останутся без вечернего пива, а откровенные бездельники и бузотёры не будут допускаться вечером на танцы.

Брови гриква вздёрнулись наверх, и он искренне захохотал, хлопая себя по ляжкам.

– Без пива и танцев!? – выдавил он сквозь смех, – Ты прав, бвана – зачем стоять над работником с палкой? Без танцев, а?!

Стоило Николаю снова сесть на коня, как Адриан, надрывая глотку, объявил о решении вождя. Над котлованом пронёсся стон ужаса, и за работу взялись даже бригадиры-старейшины, старательно кося глазами в сторону Белого Вождя, не успевшего ещё отъехать.

Африканцы без танцев... нет, это нонсенс! Можно представить непьющего матабеле, но существо это скорее мифическое. Все признают, что слышали о таком, но видеть своими глазами...

Африканец же, не имеющий возможности танцевать, существо глубоко несчастное, обездоленное, близкое к самой тяжёлой депрессии. А уж не любящий! Нет... такие уроды не встречаются даже в местной мифологии!

Корнейчуков не настолько жесток, чтобы вовсе лишать их вкуса к жизни, но...

... одно дело – танцевать под тамтамы и ритмичные хлопки в ладоши, и другое – под патефон при свете керосиновых

ламп!

– Как же я раньше-то не догадался! – хохотнул плантатор, видя столь ярко вспыхнувший трудовой энтузиазм, – Кнут и пряник, да? Только вот кнут – как самый крайний случай, а наказывать лишением пряника... хм...

Тронув пятками бока мерина, перешедшего на рысь, одессит на время выкинул из головы вопросы поощрений и наказаний работников, давая им время отлежаться. Только где-то на периферии подсознательного вертелись мысли про диафильмы и синематограф для лучших работников...

На аэродроме Корнейчукова уже ждали матабеле, прямо-таки жаждущие получить приказания и поедающие вождя глазами. Даже вальяжные старейшины отложили асsegai в стороны и взялись за лопаты и мотыги, демонстрируя готовность к трудовым подвигам.

Весь их энтузиазм выстроен на фундаменте из слухов и сцементирован желанием оказаться в аэродромной команде, когда на лётное поле будут приземляться "Фениксы". Высокая Встреча такого рода вызвала бы живейший интерес и у европейских обывателей, заставив газеты захлебнуться сплетнями и предположениями! А уж в захолустье Матабелеленда...

– Как же быстро в Африке расходятся слухи, – пробормотал одессит, качнув головой. Он точно знает, что телеграфист избегает общения с цветными, и тем паче чёрными, и

уж точно не стал бы с ними сплетничать.

Слуга? Николай покосился на всегда молчаливого Нкоси, неизменно пребывающего чуть позади. Так он не делился с ним содержанием телеграммы. Да и поделился бы... Он нгуни³², но не матабеле, и верен прежде всего вождю. Чертовщина какая-то, и ведь не в первый раз!

Разумеется, можно предположить, что в здание телеграффа, расположенное прямо в усадьбе, сразу после его ухода зашёл кто-то из любопытствующих работников-европейцев. Как бы невзначай, разумеется... и телеграфист, не видя в том ничего дурного, поделился информацией...

"– Да, скорее всего так и было", – с облегчением решил просвещённый одессит, отменяя чертовщину к чертям! Проблема с телеграфистом, впрочем, осталась открытой.

Несмотря на все грозные постановления служащим Кампании, белые удивительно быстро пропитываются в Африке своеобразным европейским интернационализмом. При том чем меньше вокруг белых и больше кафров, тем больше выражен белый интернационализм и отношение к европейцам, как к близким родственникам.

Наиболее выражен этот интересный эффект у африканцев, которые действительно другу дружке родня, и новичков, только-только ступивших на землю африканского континента, и успевших разве что загореть, но никак не пропитаться

---

³² Нгуни, нгони – группа родственных народов в Южной Африке, говорящих на языках нгуни. Включают зулусов, коса, ндебеле (матабеле), нгони и свази.

духом Африки. Сперва – европейский интернационализм, а потом уже всё остальное.

– Выговор, – решил он для себя, – А лучше, пожалуй, обстоятельная беседа с разъяснениями по поводу шпионажа британцев и прочего. Приглашу-ка я его на чай! Да... самое то. Обед или ужин слишком официально, а чай – уважение покажу, но без чрезмерной близости!"

– Стоят, голубчики! – переключился он на воинов, – Во всё лучшее вырядились, как будто и не на работы собрались, а прямо сейчас к почётному караулу готовятся! Да-а... стоило один раз фотографии напечатать не только гостям, но и представителям почётного караула, как пожалуйста!"

– Впрочем, – он усмехнулся внутренне, но на бесстрастном лице его эмоций отразилось не больше, чем на падающем кирпиче, – не я ли недавно размышлял о синематографе для работников? Вот он, крючок..."

– Нормальные условия для жизни и труда как некие базовые принципы, а в качестве пряника – жажда удовольствия и тщеславие! Ну а в качестве наказания – возвращение в родные пенаты, и больше никаких движущихся картинок, танцев под патефон и фейерверков по праздникам! При условии, что я не буду грубо ломать их жизненный уклад – вполне приемлемо."

Окончательно сформулировав для себя стратегию поведения с матабеле на ближайшие годы, плантатор успокоился.

– Отец! – тут же грянуло на зулусском, будто они только

и ждали этого момента, – Вождь!

Босые ноги матабеле слитно ударили о землю, строительные инструменты взяты наизготовку, подобно оружию, а из выпученных глаз прямо-таки полилась преданность Белому Вождю. Корнейчуков усмехнулся едва заметно, и концентрация градуса преданности повысилась ещё сильнее.

– Приказывай, отец! – выступил из рядов пожилой, но всё ещё бравый старейшина, выпячивая испещрённую шрамами грудь.

– Отец! – снова грянуло громом, – Вождь!

– Н-да... – тихо сказал одессит и расправил плечи, перерождаясь в Вождя.

– Воины матабеле! – начал он на зулусском, который успел неплохо выучить за прошедшее время, – Через три дня сюда придут вожди белых людей. Они придут по Небу, подобные богам и героям...

Он говорил образно и велеречиво, как и подобает у зулусов в подобных случаях. Перечисляя каждого из гостей, Николай называл не только имя, но и заслуги, а также все звания, чины и регалии.

Процедура долгая и достаточно нудная...

... хотя матабеле так не считали. Глаза всё больше и больше разгорались восторгом, и... плантатор мог поклясться, что они начали светиться!

Объяснив зулусам, кого он ждёт в гости, и какая это честь для него лично и для воинов, которые будут причастны к

столь значимому событию, Корнейчуков расставил акценты должным образом.

– В оцеплении будут стоять настоящие мужчины! – повествовал он.

– Отец! – слитно топнули ноги, и на него уставились полные энтузиазма глаза, – Вождь!

– Я знаю, – Корнейчуков упорно гнёт свою линию, – что зулусы рождаются с сердцем льва, но мальчика, даже если он нгуни, не называют сразу мужчиной! Это право нужно заслужить! Мужчиной становятся не тогда, когда вырастают волосы на груди или познают женщину.

– Мужчина матабеле... – он сделал паузу, обведя воинов взглядом, – не просто храбрец. Это воин, который может неделями преследовать врага, не пить и не есть по несколько дней. Он отвечает за свои слова, а за его спиной женщины и дети его народа чувствуют себя в безопасности!

– Сигиди! – проревели зулу боевой клич, надрывая лужёные глотки и выбрасывая вперёд мотыги и лопаты, как ас-сегаи. Глаза их горели, ноздри раздувались, и общему воинственному воодушевлению не было предела.

– Воины матабеле могут сражаться часами, не чувствуя усталости и не замечая ран, – продолжил Корнейчуков, – Они могут терпеть боль, голод, жажду и пытки врагов...

Затем он плавно подвёл всё к тому, что настоящий мужчина нгуни имеет сердце льва, и как настоящий лев – защищает своих львиц и детёнышей.

– ... если надо, матабеле пойдёт в атаку на пулемёты в полный рост, но настоящий мужчина думает не только о смерти врага, но и том, чтобы вырастить своих львят! А для этого нужно не только убивать врагов, но и приносить домой мясо, чтобы львята нгуни были сыты и веселы, и весело играли у ног своего отца.

– Если для того, чтобы накормить своих львят, – продолжал он, увеличивая дозу пафоса, – льву надо лежать в пыли, подстерегая антилопу, он не думает о том, достойно ли это! Он думает о своих львятах и том, что сегодня они будут сыты и веселы! Мужчина нгуни подобен льву, и если для того, чтобы накормить своих детей, ему нужно копать в земле, он не думает о своём величии, а думает о том, что его дети будут сыты и веселы, а жёны радостно и завлекательно смеяться при виде своего льва!

Корнейчуков распинаялся как мог, увязывая воинскую доблесть с необходимостью работать. С учётом психологии матабеле, пришлось сделать акцент, что работают они не в поле, подобно женщинам и рабам, а строят краали для скота и дома. А строительство аэродрома или конюшни для племенных лошадей – деяние из тех, что можно доверить только настоящим воинам!

– ... в оцеплении будут стоять настоящие мужчины! – повторил он, – Настоящие львы... а встречать Небесных гостей в почётном карауле – львы из львов! Вожди и старейшины, которые умеют не только охотиться, но и воспитывать своих

львят! Самые мудрые, хитрые и осторожные! Те, что одним рыком могут осадить молодого льва!

– Кажется, сработало, – пробормотал Николай, покидая наконец лётное поле, на котором вовсю кипели работы. Поглядев на стоящее в зените солнце, он с точностью до минут определил время, и только потом сверился с брегетом.

– Совсем африканером стал, – усмехнулся плантатор, защёлкивая крышку часов, и трогая конские бока пятками, приказал:

– Домой, Малыш! Домой!

Не оглядываясь, он пустил мерина лёгким галопом, наслаждаясь редкими минутами безделья. Дома он помоеется, переоденется к обеду...

... за которым будет длинный, обстоятельный разговор с управляющим Людвигом Карловичем, ветеринаром Штейнбахом и геологом Ласточкиным, исследующим земли поместья на предмет всяких полезностей.

Трапеза из тех, когда ешь на драгоценном фарфоре (трофеи!) и серебре, но не почти не чувствуешь вкуса приготовленных блюд. Полтора-два часа бесед за столом, а потом – учёба...

Почивать на лаврах, надеясь на добросовестность управляющего, Корнейчуков и рад бы, да натура не та! А поэтому – чтение десятков книг из списка, составленного профессорами университета.

По необходимости можно прояснять непонятные моменты у одного из специалистов, проживающих в усадьбе. А потом – экзамены в университете! Биология, органическая химия, сельское хозяйство, экономика...

А куда деваться? Чёрт бы с ними, с поместьями... но куда он денется от своего народа?!

* * *

Вынырнув из-за высоких раскидистых деревьев, делаю широкий круг над лётным полем, поглядывая на ярко окрашенные ветроуловители и по въевшейся военной привычке, высматривая на земле возможные несоответствия. Всё в порядке, и я приземляюсь, как по учебнику – на три точки, без подскоков и козления.

Короткая рулёрка, и "Феникс", вращая лопастями всё реже и реже, подъехал к ангару, у которого высится долговязая фигура Корнейчукова. Он изрядно раздался в плечах за то время, что мы не виделись, и выглядит эталонным атлетом, только что без дурной цирковой мясистости. Не силач, способный гнуть через шею рельсы, но с трудом пробегающий пару вёрст, а атлет времён Эллады, способный совершить самый длительный переход в доспехах, а потом сходу вступить в бой.

Чуть поодаль от него, в почтительном отдалении, несколько разодетых кафров, наряженных в том неповторим стиле,

который московские вороны нашли бы, пожалуй, несколько ярким и вульгарным.

Африканцы не лишены своеобразного вкуса, пусть он и несколько эклектичен на взгляд европейца, воспитанного на Викторианских ценностях Старой Европы. Но это... полное впечатление, что предстоящий прилёт гостей начисто выбил из их возбуждённого сознания само понятие вкуса.

Они не выглядят полными дикарями, и надраенных медных кофейников, как это бывает в более диких уголках Африки, на себя не навешивают. Украшения вполне в африканском стиле, просто их до невероятия много – в три, в четыре, в пять больше, чем требуется даже по весьма специфической местной моде. Собственно, они наверное и нацепили на себя всё, что у них было. А зная местную незамутнённость нравов, они могли и одолжиться у соседей!

Спрыгивая с самолёта, я не успел коснуться земли, как попал в крепкие объятия друга.

– Пусти... – заворочался я, дрыгая ногами и сопя в съехавшую к носу полу собственного реглана, – да пусти ты, чортушко! Экий ты, Колька, здоровый стал! Тебе бы с Мишкой на пару в цирке с номерами выступать! Да поставь же... Колька, я летел без остановки почти шесть часов, што ты меня тискаешь...

– А-а... – дошло до плантатора, и он аккуратно поставил меня на землю, давась от смеха.

– Вот тебя бы и заставил отстирывать! – кричу ему из-за ангара, орошая постройку литрами жидкости.

– В другой раз непременно! – с хохотом отозвался Коля, – Дожамкаю до последней капелюшечки и понесу отстирывать!

– Дожамкает он... – я вышел, скидывая реглан на руки подошедшему слуге, – жамкатель нашёлся! Всё, всё!

Отпрыгнув от расшалившегося друга, хлопаю его по длинным рукам и удерживаю дистанцию. Тот не унимается с игрульками, и я, сделав проход в ноги, роняю его на траву, где мы и возимся в партере. Оба ржём, а ощущение... ну ей-ей, как в детство вернулся!

– Веришь ли, – пожаловался Коля пару минут спустя, отряхивая с себя травинки и букашек, – вот так вот повозиться и не с кем! Не как тренировка, а...

Он не заканчивает предложение и дёргает щекой, еле заметно вздохнув и на миг приходя в дурное расположение духа. А я представил, каково это – без Мишки, Саньки, Фиры, дяди Гиляя и все-всех-всех, для кого я просто – Егорка... Одни сплошные подчинённые и вассалы, ети их в качель!

Представил, и ажно до тошноты, до желания бежать куда угодно, лишь бы подальше!

– Вот... – тихо сказал Коля, прекрасно поняв моё состояние, – а я так неделями... Понимаешь теперь, почему я в Дурбане такой... ну, дурошлëпистый?

– Н-да... ладно! – поводя плечами, сбрасываю незримую

паутину уныния, рванными серыми нитями упавшую на нас, – Вернёмся к делам! Я чуть опередил нашу воздушную армаду, минут через пятнадцать начнут приземляться первые ласточки. Ты б подготовил тут... Чуть не полсотни самолётов, и всем в уборную нужно. Причём некоторым – нестерпимо!

Усмехнувшись снисходительно, Коля дёрнул подбородком на несколько причудливых круглых хижин из тростника, стоящих на краю лётного поля.

– А-а... – я почувствовал себя неловко, но всё ж таки попытался отшутиться:

– Вот не жамкал бы, тогда и поссал бы, куда надо! А теперь получи обосцанный ангар!

– Да! – тут же перескакиваю на тему, спеша заболтать недавнюю нелепицу, – Прикажи, пусть выгружают мой аэроплан! Только осторожней... там не только бумаги, но и вино.

– Из Франции прислали, – отвечаю на невысказанный вопрос, – Члены Жокей-клуба шлют вино из собственных виноградников. Я, ты знаешь, не любитель выпить, у меня оно так до скисания и простоит. А так хоть в дело пойдёт, да отписаться смогу – дескать, понравилось не только мне, но и высоким гостям на таком-то мероприятии.

Кивнув, он отдал несколько команд на зулусском, и тут же два кафра начали разгружать самолёт, а остальные разбежались по сторонам. Смотреть на чернокожих грузчиков, наряды которых стоят больше, чем иной парижский рабочий зарабатывает года за два, достаточно забавно и как-то неловко.

Африка, она такая, один сплошной диссонанс! Нищая и в тоже время безмерно богатая, к ней сложно подходить с европейскими мерками и пытаться переменить чернокожих на манер, угодный европейскому обывателю.

– Торжественная встреча, – тут же пояснил Корнейчуков, заметив мой интерес к матабеле, – ты раньше времени прилетел, да ещё и из-за деревьев на бреющем вынырнул, вот мои и не успели подготовиться.

– А-а... ну прости, – ёрничаю я и спохватываюсь тут же – а чего это я на друга серчаю? – Уф-ф... извини, Коля... устал очень.

– Полёт сложный? – посочувствовал Корнейчуков, подзывая слугу и что-то тихо тому приказывая.

– Сам полёт не особо... а вот его обеспечение – да! Маршрут подготовить, да в головы всем вдолбить...

– Вроде и взрослые люди, – пожаловался я, принимая из рук слуги огромный стакан ледяного лимонада с соломинкой, – а семь потов сошло, пока не втолковал каждому, что лететь нужно не "как удобней", а "как правильно"! Строго группами, с приземлением в контрольных точках и прочим.

– Это же Африка! – на эмоциях повышаю голос, заглушая их ледяным напитком, – Одиночка, да ещё если в сторону хоть на десяток миль вильнёт, и сесть при поломке придётся... Я за такого гроша ломаного не дам!

– Ну... – начал было Коля, – не так в Африке и страшно...

– Ага... – киваю вроде как согласно, но с ехидцей, – а за-

шибётся при посадке? Здесь же, как я погляжу, на каждом шагу подготовленные лётные поля, да? Эт тебе не пешко-дралом, в сопровождении батальона дружественных аборигенов!

– Всё, всё... – друг шуточно поднял руки, – твоя взяла!

– Ничего, – устало потираю глаза, – зато опыт какой! В будущей войне перемещение такими вот армадами точно пригодится.

– А бритты... – Коля выразительно приподнял бровь.

– А бритты всё поодиночке летают, – усмехаюсь зло, – Я тогда через французов продавил идею аэроплана, как возрождения рыцарской конницы. Вот и утекло... да ещё в утрированном виде.

– Странствующие рыцари Неба... – с соответствующим завыванием передразниваю апологета возрождения рыцарства.

Коля, услышав знакомые нотки Аполлинера, много сделавшего для романтизации воздухоплавания, заржал не хуже коня. Творчество Гийома он ценит, и вполне приязненно относится к поляку, но саму фигуру поэта считает (и не без оснований!) изрядно карикатурной. Человек он очень симпатичный, но очень уж увлекающийся, да и придурь, положенная всякому приличному поэту, выдана ему, мне кажется, в тройном размере.

– Французы, впрочем, не лучше... – признал я со вздохом, – и неизвестно ещё, кто из них первым додумается сво-

дить этих странствующих рыцарей в единые отряды! Ладно, неважно... нам первый удар отразить, а дальше много проще будет.

– Думаешь, не выдержат бритты длительной войны? – поинтересовался Корнейчуков. Я открыл было рот...

... и захлопнул, поражённый зрелищем. Лётное поле, весьма и весьма немаленькое, окружали празднично разодетые матабеле, вставая по периметру. Было их так много, что я невольно забеспокоился и покосился в сторону ангара.

– Торжественная встреча Высоких Гостей, – съёрничал Коля, но видно – пробрало и его. Вроде и сам сюрприз готовил, ан нет! Вот чего у африканцев не отнять, так это любви ко всяким танцам и шествиям, и умеют же, чорт возьми! Если не подходить к ним с зауженными европейскими мерками, и тем более не пытаться переделать их на свой манер, то остаётся только восхищаться!

– Веришь ли, – он зачем-то наклонился ко мне, хотя и так стоим почти впритирочку, – не только мои молодцы, но и из соседних селений пожаловали! Услышали, ну и...

Он усмехнулся этак по одесски, что я таки сразу понял, шо Коля поймел на этом свой не очень скромный гешефт! А с другой стороны... а где он не прав? Здесь и сейчас делается Политика, и если он смог вставить в наше уравнение вождей матабеле и поймечь на этом политический капитал, то честь ему и хвала!

С некоторым запозданием на лётное поле начали выхо-

дить вожди и старейшины, разодетые с необыкновенной пышностью. Шкур, перьев и всевозможных украшений на некоторых из них с таким избытком, что не считая лица, не видно и кусочка чёрной кожи!

Я не эксперт, но всё ж таки бытиё владельцем золотых и алмазных шахт, да совладение процветающей ювелирной фирмой приложило меня ворохом несколько разрозненных и специфических, но всё ж таки небезынтересных знаний. Золотые украшения на вождях собраны весьма эклектические.

Украшениям от местных мастеров или скажем – европейских, я особо не удивился (трофеи!). А вот изделиям, перекликающимся стилистически с бенинской бронзой³³ или пуще того – с украшениями из гробниц Древнего Египта, поразился до самой глубины души!

Женский золотой медальон европейской работы на пожилом пузатом старейшине – это превратности войны и тот самый случай, когда охотник за сокровищами сам обогатил чью-то сокровищницу. Интересно, но в общем-то понятно, да и интерес несколько отстранённый, ибо для Африки это весьма рядовая обыденность.

А вот Египет или Бенин... Я поклялся себе, что выкуплю у вождей наиболее интересные образцы! Свободных денег у меня сейчас нет, но...

---

³³ Бенинская бронза – коллекция из более чем 1000 латунных пластинок с изображениями из двора правителя Бенинского царства.

... что-нибудь придумаю! И совесть меня потом не загрызёт, потому что это – для музея Университета!

– ... и дядю Фиму нужно будет предупредить, – бормочу тихохонько, – что для науки... А может, у него для науки средств экспроприировать?

– Чего ты сказал? – поинтересовался Коля.

– А... так, – отмахиваюсь, – гляди! Летят!

Придерживая шляпу левой рукой, Корнейчуков задрал голову ввысь, щурясь от солнечного света, льющегося в глаза. Воздушная армада, предводительствуемая Санькой, описала несколько кругов над лётным полем, усадьбой и деревней матабеле – всё так, как обговаривали ранее.

Взыскательный зритель, то бишь я, видел в этом представлении массу недостатков, над устранением которых придёт-ся долго работать. Но то я...

... а остальные видели – силищу! Больше пятидесяти аэропланов, мать честная... Притом, что в недавней войне всего несколько штук натворили столько дел, что авиации зряшно приписывали едва ли не главенствующую роль.

А потом "Фениксы" начали садиться один за другим, вы-руливая к натянутым полотняным тентам, где уже суе-ются белые и цветные обитатели усадьбы, хоть сколько-нибудь знакомые с техникой.

Санькин аэроплан коснулся короткой, подъеденной коро-вами травы, чуть скозлил при посадке и резво покатился к

ангару. Психоделическая³⁴ раскраска брата "Феникса" вызвала тяжёлый ступор у почётного караула, вплоть до отвращения знаков и явно выраженного желания сделать ноги. Останавливала разве что знаменитая гордость нгуни, да наше с Колей деловитое спокойствие.

Стоило Чижу спрыгнуть с крыла и сорвать пропотелый шлем с лица, как по рядам африканцев прокатилась волна облегчения, и только сейчас они кинулись подкатывать его аэроплан к ангару. Оцепление по краям лётного поля запоздало пустилось в пляс, что-то ритмично напевая и хлопая в ладоши.

– Коля! – заорал брат восторженно, распахивая объятия, – Сто лет тебя не видел! Всё, всё... хватит обнимашек, усцусь сейчас! Где...

– Вон там уборные, – давясь смехом от незамутнённой Санькиной простоты, показал плантатор, и брат, скинув реглан, потрусил в указанном направлении.

– А то Чижа не знаешь... – выразил я своё удивление непроходящему смеху Коли.

– Нет... не в этом дело! – замахал на меня руками плантатор, изображая ветряную мельницу при штормовом ветре, – Жаль, ты зулусский не знаешь!

Он снова заржал, и я не сразу добился ответа.

---

³⁴ Психоделическое искусство – направление искусства, художественное или визуальное представление, вдохновлённое психоделическими переживаниями или галлюцинациями.

– Д-духи... – искал сквозь смех, сообщил Коля, – раскрасочка то... того, специфическая! А потом – Санька! Ну, ты вашу репутацию знаешь...

Я кивнул, поморщившись. Сомнительная слава существа не вполне земного, навеянная дурацкими книжонками, приносит немало докуки. Экзальтированные девицы, всякого рода теософские общества и медиумы, повадившиеся "вызывать" меня, а потом – от моего имени рассказывать всякую ересь о бытии в Холмах или того пуще – советовать что-либо в финансовых или сердечных вопросах, изрядно приелись, раздражая и вынуждая тратить деньги на судебные тяжбы.

– Вот... – выдохнул Коля и снова заржал, – Жаль, что ты зулусского не знаешь! Перевод без контекста и понимания местных реалий...

Он расстроено махнул рукой.

– Хотя... – задумался Корнейчуков явно о чём-то своём, – А, да! В общем – они ещё больше удостоверились, что вы не люди. Нечисть, но как бы это сказать...

– Полезная? – предположил я.

– Ну... я бы сказал – злобная, – усмехнулся друг, – но отчасти полезная и прирученная. Мной.

– Х-хе... – вырвалось у меня, – неожиданно!

– Это кто тут нечисть? – вытирая руки поданным слугой полотенцем, заинтересовался подошедший Санька, услышавший только кусок беседы.

– Мы, – ответил я вместо Коли, – На взгляд нгуни.

– А-а... – брат даже не стал уточнять деталей, не меньше меня наевшись сомнительной славы. Покивав, он встал у аэроплана, пока подоспевший Ласточкин суется с фотоаппаратом, делая снимки.

Санька, с улыбкой глядя в зрачок фотоаппарата, стоял перед аэропланом, а по обеим сторонам, торжественные и важные, пыжились белые специалисты. Потом он же с цветными и наконец – с ротой почётного караула... то бишь со сводным взводом из вождей и старейшин, старательно пучащих глаза и выстраивающихся вокруг брата согласно собственному табелю о рангах.

Постоянно извиняясь за опоздание, дико нервничающий Ласточкин сфотографировал наконец меня, и умчался встречать аэроплан Феликса.

– ... замрите на несколько секунд! – донёсся до нас истошный вопль фотографа, – Ещё чуть... готово!

В стратегических местах у него расставлены три стационарные фотокамеры на массивных штативах, и фотограф-любитель мечется между ними, ныряя под чёрное покрывало и пытаясь командовать всем и вся. Впрочем, некоторые обладатели фотокамер ничуть не впечатлены попытками Ласточкина диктовать свою волю, шипеть и сверкать глазами.

Фотоаппарат в наличии у большинства белых и некоторых цветных работников усадьбы. Это, некоторым образом, показатель даже не доходов, а скорее статуса, заявка на принад-

лежность к эфемерному клубу людей творческих, тонких, высокохудожественных и чувствующих.

Большинство гордых владельцев фотографических аппаратов могут делать в лучшем случае сносные снимки для семейных альбомов. Из тех, что важны никак не художественной составляющей, а исключительно воспоминаниями для членов конкретной семьи.

На звание фотохудожника, если не считать меня и Саньку, претендует разве только геолог Ласточкин, увлѣкший фотографией ещё в гимназии, и с той поры изрядно продвинувшийся в этом искусстве.

Полагаю, минимум два-три человека смогли бы сделать вполне пристойные снимки. Но Ласточкин – победитель и лауреат ряда фотографических конкурсов (о чём я узнал через минуту после знакомства) и скорее всего – продавил выгодное для себя решение, желая кусочек славы на этой встрече в Верхах. Знакомый типаж... не самый скверный, откровенно говоря, но учитывать особенности характера необходимо.

Аэропланы тем временем приземляются один за другим, мечущийся фотограф охрип и насквозь пропотел в своём парадном сюртуке английского сукна. Матабеле неустанно танцуют, а парадный караул из вождей и старейшин по самое горлышко налился ощущением причастности к Великому.

Приземляется очередной аэроплан, и Карл Людвигович, сверившись со списком гостей, объявляет его на зулусском.

Один из старейшин, надуваясь от волнения жабой, отбегает в сторону на десяток метров, и орёт изо всех сил, перечисляя все регалии, звания и прозвища вновь прибывшего.

По рядам матабеле проносится восхищённый выдох, и некоторое время они поют всюю уж оглушительно, а от слитного топота ног, ударяющихся о землю, ощутимо вздрагивает земля. Потом энтузиазм спадает и...

... на лётное поле запоздало приземляется аэроплан с кинооператором. Вместо того, чтобы сразу выгрузить операторское барахло на противоположном от нас конце поля, как и было уговорено заранее, пилот начинает колесить по аэродрому.

– Адик, сука... – вырывается у меня, и прямо-таки вижу, как носатый жидяра, перегнувшись через перегородку, брызгая слюной, орёт пилоту в ухо о правильном свете, хороших кадрах и должном ракурсе. Пилота я даже не могу винить, у этого христопродавца харизма запредельного уровня, и какое-то гипнотическое воздействие на собеседников!

Не вообще... но во всём, что касается синематографа, даже я спорить с ним не всегда берусь. Хотя казалось бы, владелец кинокомпании... А как начнёт глаза таращить и орать шёпотом, так мозги отключаются!

"– Он вообще-то немец", – напоминает подсознание, – но я отмахиваюсь от такой нелепицы. Ну да, немец... на морду лица истинный викинг, разве что шнобель как румпель, но вот характер...

Его дядя Фима жидярой патентованным называет, а это ого! Характеристика. Так себе характеристика, это да... но точная!

"– Кriptoиудей!" – отозвалось подсознание, выдав идиотический, но очень яркий сценарий о том, как семья иудеев в Раннем Средневековье примеряет на себя христианскую веру, оставаясь тайными иудеями. Потом они, оставаясь иудеями, принимают участие в крестовых походах, становятся рыцарями и обрастают замками, ради маскировки гнобят иудеев явных, едят свинину и женятся на женщинах из семей таких же криптоиудеев, сохраняя...

"– А собственно, что?" – озадачился я вывертам собственного бессознательного и постарался выбросить из головы это бред, возвращаясь в реальность.

– Зато фильмá хорошая получится, – утешает меня Сания. Набрал было воздуха в грудь... с шумом выдыхаю – да, фильмá получится хорошая... Собственно, у Адика других не бывает. Талант!

Наконец, Адик выбрал нужную точку, аэроплан остановился, совершенно очумелый пилот помог оператору выгрузить оборудование...

... да так и пошёл к нам пешком через всё поле. Благо, управляющий Карл Людвигович проорал что-то на зулусском, и старейшины, раздуваясь от гордости, покатали аэроплан в нашу сторону. Некоторым, как мне показалось, удалось разве что руку к механизму приложить, но и то – гор-

дось!

– Я с ним зайкой стану, – ошалело пожаловался мне Котра, – Всю дорогу в ухо – бу-бу-бу! Свет, масштаб, кадры... через встречный ветер перекрикивает, а?! Всю дорогу! Меня через полчаса полёта аж жопой к сидушке приварило, как стукнутый сидел! Што хочишь делай, а обратно я с ним не получу!

– Здравствуй, Николай, – пожал он руку подошедшему Корнейчукову, – а где...

Коля показал рукой в сторону домиков, и шериф потрусил туда, отмахнувшись от фотографа. А на поле тем временем садился аэроплан дяди Фимы, легко узнаваемый по стилизованным иудейским львам, шестиконечным звёздам и тому подобной символике, выполненной в стиле "Бляйшмановского китча". Не, не Санька... нашлись подражатели.

Народ в ЮАС всё больше такой... не обременённый излишним образованием. А если оно, образование, и есть, то как правило сугубо прикладное, заточенное под сельское хозяйство, геологию и прочее в том же духе.

Жаба-старейшина, не дожидаясь Карла Людвиговича, заорал так, что кажется, сорвал голос.

– По... – хрюкнул рядом Коля, краснея от сдерживаемого смеха, – податель всех благ Фима Бляйшман!

... и захохотал гиеной.

На лётном поле тем временем начало твориться нечто невообразимое. Такое я видел...

"– Только на концертах рок-звёзд!" – подсказало подсознание, и я вынужденно с ним согласился.

Обступив Подателя Всех Благ, лучшего из людей и кандидата в зулусский Пантеон, то бишь Фиму Бляйшмана, старейшины и вожди старались коснуться краешка его одежды "на счастье" и вели себя...

"– Как восторженные малолетки в присутствии Кумира" – подсказало альтер-эго, подкинув соответствующих картинок, а потом ещё раз – уже с африканским колоритом. В голове плотно засели идиотическо-кинематографические сценки, в которых вожди и старейшины, визжа от радости, кидают в дядю Фиму нижнее бельё – начиная от набедренных повязок, заканчивая почему-то старинными женскими панталонами с разрезом и застиранными бюстгальтерами огромных размеров.

Давясь смехом, поделился своими виденьями с Колей и Санькой, отчего нашего гостеприимного хозяина скрючило от хохота мало не пополам.

– Я это нарисую, – отсмеявшись, пообещал брат, и в глазах Коли мелькнуло что-то этакое... мстительное!

"– Эге ж... – отреагировало подсознание, – а ведь приревновал своих матабеле к дяде Фиме!"

Не думаю, что Коля ревнив к славе вообще, дело тут скорее в чувстве собственника. Он привык считать их "своим" племенем, а тут – Бляйшман, с отдышкой карабкающийся на зулусский Олимп!

Ну и отчасти – дело в самом дяде Фиме. Нынешнее своё положение он прогрыз с самого дна, и привычки – те самые, крысиные, остались.

Это не в укор ему! Просто для лучшего понимания. Дядю Фиму я очень люблю, он и в самом деле воспринимается как родственник, притом близкий. Приязнь эта обоюдная, и даже если поначалу была какая-то фальш, она давно ушла в небытие.

Со мной он ведёт дела честно, я бы даже сказал – болезненно честно. Да и в целом Бляйшман старается соблюдать Букву если не Закона, то как минимум Сделки, памятуя о важности репутации в деловом мире.

Ситуация с матабеле немножечко наособицу – тот самый случай, когда подлости нет, а что ситуация выглядит не вполне приглядно в точки зрения Корнейчукова...

... так это извините! Матабеле не его вассалы!

Что мне прикажете делать? Подойти к дяде Фиме и сказать, что Коля Корнейчуков ревнует к нему матабеле, и пусть он ради дружбы между мной и Колей отойдёт в сторонку?

Не слишком стесняясь, Бляйшман потихонечку протягивает ниточки деловых интересов между Матабелелендом и Иудеей. Я в этом нисколько его не виню, наоборот... Хотя мне очень интересно, что же за химера вырастет на древе Нгуни, если привить туда веточки иудейских деловых интересов!

... а отчасти – проблема ещё и в идеалистических воззре-

ниях, впитанных Николаем в гимназии. Все эти истории о Сцеволе и прочих... На этом фоне Бляйшман и правда как-то не смотрится!

Или это с Одессы ещё, когда дядя Фима фактически "вляпал" Корнейчукова в Восстание, а теперь не желает оказать ответную любезность?

В общем... всё сложно. Они не враждуют и вроде как даже приятельствуют официально, но холодок пробежал изрядный, и как их мирить, я решительно...

— ... общие деловые интересы, — слышалось рядом, я быстро обернулся, но не нашёл говорившего в толпе гостей. А кстати... действительно! И желательно побыстрее, пока холодок между ними не превратится в ледяные торосы!

Аэропланы тем временем приземляются один за другим, и атмосфера над лётным полем становится всё более праздничной. Африканцы совершенно счастливы, удовлетворяя свою жажду зрелищ невиданным доселе виденьем летательных механизмов и персон, в них прибывающих.

Они не прекращают свои танцы и песнопения, и хотя на взгляд европейский их искусство выглядит изрядно непривычным, нельзя не признать определённой эстетики происходящего. Непривычной, несколько даже чуждой, но очень самобытной, и пожалуй — интересной.

А вообще — выглядит всё, разумеется, очень ярко и празднично, но и несколько забавно. Стоит приземлиться аэро-

плану, как отважный пилот, пожав несколько рук, трусцой спешит в уборную, и только затем оказывается под прицелом фотоаппарата.

Иногда сценарий даёт сбой, особенно если гость излишне деликатен. Ласточкин чрезвычайно напорист, да и некоторые самодеятельные фотографы, завидев именитого гостя вблизи, становятся порой очень настойчивыми. Они буквально хватают того за рукав или полу реглана, вынуждая останавливаться и с несколько вымученной улыбкой стоять под прицелом фотоаппарата.

На пару с Корнейчуковым стараемся разрешать ситуации подобного рода, но нельзя поспеть везде и сразу. Да и если говорить откровенно, именно гости виновны в изрядной доле Хаоса на этом тщательно отрежессированном празднике.

Личности здесь по большей части яркие, волевые, привыкшие начальствовать и повелевать. Я изрядно намучался с ними при перелёте, а уж теперь-то, считая путешествие завершённым, они слушают меня, но не всегда слышат.

Это не то чтобы проявление неуважения, а скорее – ощущения отпускника, усугублённые долгим и сложным перелётом. Своеобразная легкомысленная эйфория, сродная наркотической.

Наконец, приземлились все аэропланы, и хвала всему зулусскому Пантеону разом – благополучно! Ремонтной бригаде найдётся дело, но в общем-то, насколько меня уведомили, ничего страшного.

Сделали групповые фотографии, собрав всех причастных, кроме собственно оцепления. Не знаю уж, что там можно будет разглядеть на фотографии с полутора сотнями людей, но такая вот сейчас мода.

Впрочем, Бог с ними... для кого-то вроде Феликса это ничего не значащий эпизод в жизни, а для цветного моториста из усадьбы Корнейчукова что-то вроде верительной грамоты, притом вот они, заверители! На фотографии!

К вещам такого рода относятся достаточно серьёзно, и если ты сфотографирован с кем-то, то стало быть, ты этому человеку как минимум знаком, а возможно и представлен. Знаю не один десяток историй, когда годы, а то и десятилетия спустя за помощью к людям с подобной коллективной фотографии обращаются даже не сами сфотографированные, а их дети, и это считается допустимым.

Фотографии эти берегут едва ли не пуще официальных документов. Да порой они и поважней! Вот они – люди, к которым можно обратиться при нужде! Не факт, что сильно помогут, но для какого-нибудь мелкого клерка или служащего усадьбы порой достаточно нескольких благожелательных слов от одного из Сильных Мира Сего, чтобы – к примеру, ребёнок смог устроиться в хорошую школу.

Мероприятие тем временем подходит к логическому завершению. На лётное поле подали табун осёдланных лошадей и повозки, украшенные цветами так обильно, что поза-

видовал бы иной европейский цветочный магазинчик. Запах – дурманящий, излишне тяжёлый, маслянистый... в африканском вкусе, но пожалуй – не без приятности.

Над повозкой что-то вроде тента из лозы редкого плетения, в которую вставлены ветки, бутоны, соцветья и Бог весть что ещё в сочетании, кажущимся африканцам уместным. пышность неимоверная, ветки над лозой торчат чуть не метр вверх и на полметра, а то и больше, вниз.

В цветах возницы, четвёрки лошадей, сбруя и... нет, в самом деле – колёса! Как это будет держаться, и будет ли держаться вообще, не имею понятия, но впечатление сильное.

Сами повозки длинные, с высокими бортами. В подобных возят тяжёлые, но относительно деликатные грузы, то бишь не камни и ветки навалом, а скажем – доски красного дерева или мраморная облицовка для пола. В середине повозок, спинками друг к другу – две скамьи, и всё... вот буквально всё – в цветочных лепестках, так что даже досок пола не видно.

– Долгохонько одежду отстирывать придётся, – вздохнул Санька в редком порыве хозяйственности, и взлетел в седло. Улыбаясь белозубо, он помахал кафрам рукой, что вызвало шквал ответных эмоций.

Начали рассаживаться и остальные гости, но почти все выбрали повозки. Верхами поехал только сам хозяин поместья, я с братьями, Бляйшман с Держинским и ещё с десятков человек.

Верховых лошадей у Корнейчукова в избытке, но не все гости способны уверенно сидеть в седле, тем паче после длинного перелёта. Да и не все хотят. Дядя Гиляй, к примеру, усидит на коне даже без седла, притом в любом состоянии, но ему не терпится припасть на уши приятелям с какой-то свежей байкой.

У прочих свои соображения – старые раны, свежий геморрой, желание пообщаться с давно не виденными знакомцами, усталость или что-либо ещё. Да какая разница...

Лошадь подо мной нервно переступает копытами, встревоженная шумом и обилием незнакомых людей, но я уверенно сдерживаю её, в ожидании, пока все погрузятся в повозки. Наконец, все залезли, и африканские шарабаны длинной вереницей цветочных клумб потянулись к усадьбе.

Африканцы тотчас пустились в пляс, а старейшины с вождями взялись провожать нас, нисколько не отставая от повозок и притом ухитряясь выделывать коленца прямо на ходу. Воины, выстроившись по обе стороны, и так же пританцовывая, всё не кончаются.

Фокус этот старый и давно известный. Задние, которых мы уже проехали, за спинами товарищей забегают вперёд и вновь выстраиваются в шеренги, множа тем самым ряды своего войска в наших глазах. Известный трюк, однако же впечатление производит немалое.

Время от времени из пританцовывающих шеренг выбегает какой-нибудь особо умелый плясун и с полминуты или

минуту выделяет вовсе уж невообразимые прыжки, после чего скрывается среди прочих матабеле. Смотрится это совершенно потрясающе, полное ощущение военного парада, совмещённого с балетом и театрализованным действием.

Покосившись на Николая, ловлю его взгляд и киваю одобрительно.

– Умеешь! Могёшь!

– Велик могучий русский языка³⁵! – отвечает тот и смеётся во весь голос, пхая меня в плечо.

– А то! – отзываюсь задорно. С Одессы ещё за мной признали право на некоторые филологические эксперименты, а после Парижа и поэзии в цифрах, которую ругмя ругают и так же захлёб хвалят, были попытки взгромоздить мой забронзовелый бюст на прижизненный памятник. И разумеется, утвердить потом некие рамки...

Я тогда не согласился ни на бюст с памятником, ни на бытие мэтром. Ну её в жопу, забронзовелость эту!

---

³⁵ Автор пародист Александр Иванов В худой котомк поклав ржаное хлебо, Я ухожу туда, где птичья звон, И вижу над собою синий небо, Лохматый облак и широкий крон. Я дома здесь, я здесь пришёл не в гости, Снимаю кепк, одетый набекрень, Весёлый птичк, помахивая хвостик, Насвистывает мой стихотворень. Зелёный травк ложится под ногами, И сам к бумаге тянется рука, И я шепчу дрожащими губами: "Велик могучий русский языка!" Вспыхает небо, разбужая ветер, Проснувший гомон птичьих голосов. Проклинывая всё на белом свете, Я вновь брежу в нетоптанность лесов. Шуршат зверушки, выбегнув навстречу, Приветливыми лапками маша: Я среди тут пробуду целый вечер, Бессмертные творения пища. Но, выползя на миг из тины зыбкой, Болотная зеленая тварь Совает мне с заботливой улыбкой Большой Орфографический словарь.

Оккупировать особняк мы не стали, расположившись в несколько стилизованной зулусской деревне, выстроенной специально для нас на территории усадьбы, в полутора сотне метров от белоснежного особняка с колоннами.

Круглые тростниковые домики, рассчитанные на двоих-троих постояльцев, несколько огромных навесов со столами под ними, десяток будочек летнего душа, и разумеется – уборные, сделанные с некоторым избытком в разных концах нашей деревушки. С расчётом на нетрезвых гостей, не всегда способных донести последствия щедрого гостеприимства до места назначения.

– ... и не уговаривай! – решительно отбояриваюсь от Колиного гостеприимства.

– Да никто в обиде не будет! – не унимается тот, – Все знают, что мы друзья давнишние... а?

– Коль... – остановившись ненадолго, я перекидываю через плечо полотняный мешок с чистым бельём и мыльно-рыльными принадлежностями, – не надо, а? Все всё понимают, но разговоры-то будут! Пусть не промеж нас, а посторонние болтать будут, а нам это зачем?

– Принцип спартанской военной демократии в действии? – несколько уныло осведомился Коля.

– Он самый... да не куксись! – я стукнул его в плечо, – Лучше давай тоже – в хижину... а?

– Ты ж вроде с братьями? – осторожно сказал плантатор,

в нерешительности дёргая себя за короткий ус.

– С Мишкой, – уточнил я, – Санька отдельную хижину займёт, он же вроде как на пленер выбрался! Одних мольбертов с полдюжины тащит, да все эти лаки-краски... Он один, мне кажется, этой вонью дышать может! А? Заодно и наговоримся!

– А давай! – отчаянно махнул рукой Коля, – Сто лет нормально не разговаривали, в самом-то деле! Сейчас указания отдам... ты в какой остановился?

В душевой кабинке я немножечко задержался – оказалось, здесь очень уж интересная система подачи воды. Инженерно несовершенная, но рассчитанная как раз на низкую технологичность, доступность материалов и никакую квалификацию местных работников.

– Спорное решение, – бормочу себе под нос, исследуя нехитрую механику, – я бы, пожалуй, решил его несколько иначе... Но работает, и вполне...

– Виллем! – окликнул я проходящего мимо механика, – Твоя работа?

– Да, хер Георг, – несколько неуверенно отозвался тот, жестом приказывая сопровождающим его работникам отойти в сторонку. Заулыбавшись, те отошли в тенёк...

... а несколько минут спустя и вовсе – развалились, оживлённо болтая и беззаботно пуская вверх кольца дыма. Я же насел на Виллема, выпрашивая его, как именно он подошёл

к решению задачи, и почему выбрал именно такое решение.

– ... Егор!

– ... а я всё-таки думаю... – спорил со мной механик, чертя прутиком прямо на земле.

– Егор!

– А? – я повернулся к Мишке, не сразу осознавая действительность.

– Час уже, как мыться пошёл, – с укоризной сказал брат, – и што я вижу?

Вопрос из серии риторических, так что я только плечами пожал и строго приказал механику никуда не уходить, на что тот слегка склонил коротко стриженную голову.

– ... остроумнейшее решение! – перекрикиваюсь с братом, намыливая мочалку, – А вообще – целая серия интересных решений – простых, даже простеньких, но действенных! Я как увидел...

Смыв с себя наслоения пота, грязи и машинного масла, вытерся небрежно и переоделся в чистую одежду.

– Виллем! – окликаю терпеливо ждущего механика, – У тебя есть какие-то срочные дела?

Задумавшись на несколько секунд, он замотал головой.

– Через два часа подойди, – приказываю ему, – мы с тобой не договорили.

– Да, херр Георг, – коротко поклонился тот.

– Ну и зачем тебе этот бастер? – вполголоса поинтересовался Мишка, когда мы отошли.

– Бастер? – удивился я, – А действительно... внимания даже не обратил на цвет кожи. Механик талантливый, даже удивительно. Образования не хватает, но природной сметки с избытком. Такого надо к рукам...

– Ах да, он же на Колю работает... – досадливо сморщившись, машу рукой самым решительным образом, – А и ладно! Придумаем што-нибудь. Нет, но каков талант!

В стилизованной зулусской деревушке тем временем царит тихий час. Перелёт выдался достаточно сложный, а на вечер наш гостеприимный хозяин запланировал обширную программу развлечений.

Для желающих перекусить на столах под навесами нехитрая снедь, напитки и доброжелательная молчаливая прислуга, маячащая чуть поодаль, но готовая примчаться на зов со всех ног. Здравое решение, как по мне – не насиловать людей официальной, и упаси Боже – банкетом сразу после долгой дороги.

Спать улеглись далеко не все, но немногие бодрствующие ведут себя тихо. Несколько человек беседуют, сидя за столами и лениво отщипывая местные дары природы, но даже издали видно, что скоро усталость возьмёт своё. Пойду-ка и я спа-ать...

Мельком окинув местную этнографию, расставленную по хижине, я скинул с себя одежду и завалился на кровать. Спа-ать...

Многочисленные костры и керосиновые фонари светят таинственным мерцающим светом, перемигиваясь с мириадами звёздам, прикреплённых к чёрному бархату африканской ночи. Вьются вокруг ламп насекомые, привлечённые светом, и падают на землю, обжигая крылышки.

Под фонарями сидят огромные уродливые жабы, снуют изящные ящерицы – будто ожившие брошки из полудрагоценных камней, статуэтками цветного стекла притаились в траве лягушки. Падающие вниз насекомые – манна небесная для этой братии! Но и сами они, в свою очередь – накрытый стол для змей, мелких хищников и ночных птиц.

Звуки граммофона разносятся далеко окрест, Африка слушает великолепный хор Софии Медведевой, записанный на пластинках Берлинера. Стрёкот цикад, пронзительные крики ночных птиц и желудочные песнопения жаб кажутся продуманным музыкальным фоном к основному произведению.

Из зулусской деревни, расположенной в паре вёрст, доносятся иногда песни нгуни, звуки барабанов да топот тысяч ног, взбивающих в танце красноватую пыль на деревенской площади. Матабеле пьяны от просяного пива, красоты своих женщин, плясок и осознания могущества своего вождя, величественная тень которого уютным покрывалом накрывает каждого члена племени.

Они веселы и беззаботны, для них есть только здесь и сей-

час. Да и о чём можно беспокоиться, если у Вождя такие друзья? Если по одному его Слову прилетает воздушное войско!?

Нгуни ждут войны – славной, победоносной, с реками крови и богатыми трофеями. Для них война – это новые земли, смеющиеся от радости женщины и бойкие весёлые ребята. Львята, которые продолжают род, раздвинут принадлежащие зулусам земли, и когда-нибудь – завоюют всю Африку!

Я сижу на бревне, не думая ни о чём. Есть только здесь и сейчас. Мириады звёзд, стрёкот сверчков, спящие под ногами ящерицы и негромкие разговоры друзей.

Иногда кто-то суёт мне в руки бутылку вина или чего покрепче, и я сделав символический глоток, передаю его дальше. Вкус чувствую отстранённо и странно, на губах не алкоголь, а будто бы сама Африка целует меня.

Я сейчас будто чувствую на вкус эту пряную ночь. Воедино смешался алкоголь, разговоры у костра, запахи цветов и жаркого. Ощущение единства с Африкой, будто она коснулась своими полными губами моих, улыбаясь лукаво и очень по-женски, и обещая много больше...

... но потом.

Ассоциации страннейшие, но я сейчас не пытаюсь обдумывать и анализировать, а просто принимаю всё, как есть. Здесь и сейчас...

Слева Санька, спорит негромко о чём-то с Верещагиным, так и прижившимся в Африке. Чуть поодаль Мишка, с лёгкой полуулыбкой слушающий болтающих наперебой дядю Гиляя и дядю Фиму. Оба-два хохочут, понимают друг друга с полуслова и слова "А ты помнишь?" звучат постоянно.

Память пока свежа, но душевные раны уже отболели, а думать здесь и сейчас о надвигающейся страшной войне нет ни желания, ни сил. Сейчас эта просто встреча старых друзей и добрых приятелей, многие из которых не виделись с самого окончания войны.

Мероприятие это не светское, все мы давно и хорошо знакомы, так что какого-либо чёткого сценария нет. Совершенно броуновское движение людей промеж костров и навесов, и у всех свои интересы.

Кому-то – выпить со старыми приятелями, пустив пьяную слезу и ударившись в воспоминания. Дела будут решать позже, а сегодня – сбросить с плеч груз тяжелейшей ответственности, забыться, отбросить прочь заботы и проблемы.

Кому-то – поговорить о делах, решить проблемы служебные, а заодно и личные. Это не осуждается, а скорее одобряется. Есть, разумеется, граница между личным и общественным. Запускать руку в карман государства считается недопустимым – вплоть до револьвера с одним патроном... и прецеденты были. А вот инвестировать личные средства, видя с олимпийских высот финансовые реалии... почему бы и не да?!

Ну а кто-то – вроде меня, растворился в африканской ночи. Дела – завтра, потом... дела могут подождать. Не умом, а какими зачеловеческими инстинктами понимаю, насколько целительно для меня сегодняшнее растворение сознания.

Народ собрался очень разный, от гешефтмахеров наподобие дяди Фимы, до ортодоксальных марксистов, типа Ульянова. Обстановка самая неформальная, в другое время и вообще, пожалуй, невозможная.

Многие леваки так старательно сохраняют идеологическую девственность, что так и протухают в своих кружках и ячейках, занятые сугубым теоретизированием, да редкими попытками выйти "в народ" или уничтожить очередного са-трапа-городового. Иногда они пытаются заниматься неумелым политическим петтингом с такими же меньшинствами, но редко заходят дальше предварительных ласк, и расстаются неудовлетворённые, виня во всём исключительно партнёров.

А здесь, в Африке, сложно сохранять идеологическую чистоту, видя перед собой пример того, как высоко взлетели их товарищи, решившие отбросить нелепое ханжество. Тот же Феликс, которого ныне сложно называть ортодоксальным марксистом, да собственно, и марксистом вообще, решает судьбы ни много, ни мало, а целого государства!

Можно обвинять его в нарушении политической девственности, но даже хулители не могут не признать, что пойдя на компромиссы и став одним из вождей Кантонов, Счаст-

ливчик получил возможность созидания. И никто не скажет, что Дзержинский мало сделал для демократии, для становления Кантонов государством социалистическим.

Да, на взгляд некоторых ханжей и завистников – сделал недостаточно и вообще не так... но ведь сделал же! И продолжает делать, продавливая свою позицию не вооружённой рукой, а созданием парламентских коалиций, написанием статей и вербовкой сторонников.

А Калинин? Ортодоксальный марксист, но нашёл ведь свою нишу! А всего-то – не пытается согнуть всех под себя и свою идеологию, и готов сотрудничать... с оговорками, но человек в политическом плане договороспособный.

А политические девственники всё ищут себе правильный народ, который внезапно поймёт прекрасноту ортодоксальных радикалов, да и полюбит их такими, как есть! С воюю застарелых цитат из давно нечищенных собраний сочинений. С нетерпимостью к иному мнению. С попытками переломить через колено жизненные реалии под их, политических девственников, понимание жизни.

Пусть их! А пока...

... я смотрю, как Ульянов живо обсуждает что-то с Марковым³⁶ и Ивановым-Первым³⁷. Несколько недель назад эта ситуация была вовсе невозможной, а сейчас – пожалуйста!

Ульянов морщится недовольно, спорит достаточно рез-

---

³⁶ Марков – у меня глава "Национальной партии Русских Кантонов"

³⁷ Иванов Первый, признанный лидер социал-дарвинистов.

ко... но ведь спорит же! Находит аргументы, выслушивает оппонентов, пытается вести диалог. Интересно...

С разговорами ко мне не лезут, понимая и принимая сегодняшнюю отстранённость. Народ здесь собрался не то чтобы сплошь от природы чуткий, но некоторые зачатки эмпатии есть у хоть сколько-нибудь значимого публичного человека. Если, разумеется, он достиг этих высот самостоятельно, а не по праву рождения или ещё каким-нибудь противозаконным кунштюком.

В единую симфонию сплелись запахи жареного на углях мяса, крепленного кофе, и нормальной, живой музыки. Хор, несмотря на всё их академическое совершенство, производил на меня впечатление несколько гипнотическое. А сейчас, когда граммофон выключили, и кто-то начал не без живости наигрывать на аккордеоне, меня потихонечку отпускает.

Я шевельнулся, полной грудью вдыхая воздух тварного мира, и почти тут же на колени мне поставили тарелку жареного мяса.

– Ешь давай, – с ворчливой заботой сказал Санька, – а то ишь... тощий какой!

– Как-то у тебя так ловко вышло, што чуть не отвод глаз! – перевёл он разговор.

Пожав неловко плечами, я хотел было поделиться впечатлениями от недавнего катарсиса, но не смог подобрать слов.

Да собственно, и не надо было... брат, убедившись, что со мной всё в порядке, не стал продолжать разговор.

Помолчали уютно, уже вдвоём, отмякая от катарсиса и поцелуя Африки, а потом запах жареного мяса достиг моего носа, и я окончательно ожил. Вытащив нож, запилюкал им по простецкой жестяной тарелке, используя его же вместо вилки.

Сегодня у нас по простецки, даже нарочито немного. Слуги подготовили дрова, мясо и продукты, а остальное сами! Плохо ли, хорошо ли... сами! Без лишних глаз и ушей, когда у костра возьмётся те кому это нравится – как это обычно и бывает в мужской компании.

Одним – нравится кормить друзей, разрумяниваясь от жара костра и комплиментов поварскому искусству. Другим – травить байки и самим же хохотать, не успев закончить рассказ. Третьим...

– Далеко там аккордеон? – повернулся я к брату.

– Как знал, – довольно отозвался тот и утопал в темноту. Через несколько минут Санька появился вновь, таща на хребтине аккордеон, гитару и виолончель, а за ним, как за гаммельнским крысоловом, начали подтягиваться все, кто хоть сколько-нибудь мнит себя музыкантом.

– Ну-с... господа-товарищи? – поинтересовался я, подмигнув одним глазом сперва Иванову-Первому, а затем одному из его антагонистов, – Сыграем?

Несколько минут мы настраивались и переговаривались,

пытаясь подобрать те самые песни, которые нравятся решительно всем и...

... это оказалось непросто. Одни хотели исполнения революционных песен и настаивали на "Марсельезе" и "Варшавянке", другим хотелось романсов. Самое же интересное, что эта вкусовщина достаточно слабо связана с предпочтениями политическими! Сугубо дело сиюминутного настроения.

С небольшим перевесом победили "романтики", и...

– Призрачно все в этом мире бушующем³⁸,
Есть только миг, за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь!

... оркестр наш играет не слишком-то слаженно, но весело всем! Музыканты время от времени меняются, и уже кто-нибудь другой берёт в руку гитару, аккордеон или флейту, пытаясь подстроиться под остальных.

Получается обычно так себе, потому как принципы классического образования предполагают занятия музыкой, но таланты есть не у каждого. Ну и сыгранность, разумеется!

Впрочем, никого это не смущает, и танцы сменяются хоровым пением, а потом кто-нибудь берётся исполнять романс или "каторжные" песни. Спели наконец "Варшавянку", но...

---

³⁸ Есть только миг. сл. Л. Дербенева, муз. А. Зацепина <https://www.youtube.com/watch?v=kFFYdI-v1Ps>

... подпевали не все! Оба Ивановых молчали, но так... не слишком демонстративно. Иванов-Второй, к слову, вполне себе социалист на свой извращённый лад, и не самый плохой человек, но идеологические разногласия бывают и на уровне песен!

Запутанная история, которую я не помню, да откровенно говоря, и не хочу ни помнить, ни знать. Одна из тех, для понимания которых нужно знать всю историю, предысторию и предысторию предыстории, чтобы пожать недоумённо плечами и отмолчаться на вопрос "Ну теперь ты понимаешь!?"

Не понимаю... Но это нормально для всевозможных политических движений. Очень многое здесь на чувстве момента и некоей общности, в том числе основанной на любимых и нелюбимых песнях.

Потом...

– Егор! – позвал меня раскрасневшийся Мишка в круг танцоров.

– Шломо! – замахал руками потный, но абсолютно счастливый дядя Фима.

– Ежи! – ... это уже Феликс.

– ... станцуем? Нашенское! – произнесли они почти одновременно.

Я потерялся было, а потом ка-ак разобрало! Захохотав гиней, сказал несколько слов Саньке, заржавшему не хуже меня, прервал недолго музыку и пошептался с музыкантами.

– Да ну...

– Егор Кузьмич, это... – не найдя подходящих слов, немолодой уже человек, переглянулся с другими самодеятельными музыкантами, приснул мальчишеским совершенно смешком, да и кивнул решительно.

– Сыграем, – весело сказал он.

– Ох и сыграем... – с предвкушением протянул дядя Гиляй.

– Нашенское! – объявил Санька дурашливо, и оркестр заиграл русскую плясовую, я вышел на площадку, поклонился с лицом настолько серьёзным, что подвох прямо-таки под-разумевался, и дал жару... <https://www.youtube.com/watch?v=qb0fbq55sRM>

... а минуто спустя музыка зазвучала с явственным оттенком Молдаванки! Той, что была до Одесского восстания... <https://www.youtube.com/watch?v=ltlmffH995E>

Потом музыканты заиграли причудливое попури³⁹, в котором смешали мотивы славянские и иудейские, а я танцевал, не думая ни о чём.

– А ну! – дядя Гиляй, отложив мандолину, вышел в круг и подбоченился, важно подкручивая ус, – Посторонись, молодёжь... зашибу!

Гиляровский плясал с гиканьем и уханьем, но удивительно легко для человека грузного. Смотреть, как шестипудовая

---

³⁹ Попури – музыкальная инструментальная пьеса, составленная из популярных мотивов других сочинений, нескольких произведений одного жанра или определенного композитора.

туша прыгает, подстригая ногами в воздухе, вертится волчком и выделяет самые сложные коленца, было необычно даже для меня...

"— А ведь он впервые пляшет после смерти жены..." — прорезалось подсознание, но я задвинул его куда подальше... Вот не хватало сейчас ещё сочувствие показать!

— Нашенская! — с каким-то вызовом сказал дядя Фима, стоявший до того чуть поодаль, и...

... удивительно, на какой разный манер могут танцевать люди на одну и ту же мелодию.

Потом мы снова пили, пели, плясали... и наконец-то полностью стали теми, прежними ещё мужчинами-победителями, для которых война только что закончилась Победой. Просто — победители, а не председатели парламента, мэры городов и шерифы округов... Братство.

Спать легли ближе к трём пополуночи, и что интересно...
... пьяных не было.

— Привыкай! — перекрикиваю шум моторов, надевая лётный комбинезон, — Воевать тебе предстоит всё больше по картам, а это, брат, совсем другое!

На губах Железного Феликса появляется еле заметная улыбка, но воспитанный шляхтич не спорит, считая очевидно, что я впал в менторский раж и озвучиваю очевидные для него вещи.

Аэропланы тем временем один за другим выруливают на

лётное поле, и взлетают, начиная описывать широкие круги над усадьбой Корнейчукова, к вящему восторгу кафров.

– Другое! – повторяю ещё раз, – И не улыбайся ты так, чортушко!

– Прости, – Дзержинский уже откровенно скалит зубы.

– Да, другое! – стараюсь отрешиться от раздражения, – Это только кажется, что ты всё-то уже знаешь и умеешь, а на самом деле чорта с два! Вот скажи – честно только... Не думал ни разу, что если тебе тогдашнему, да сегодняшние знания, то-то было бы здорово?! А? Как бы врага громил, зная заранее... Пусть даже не ходы, а хотя бы более глубокое понимание момента. Стратегия, тактика, логистика, политический момент... нет?

Феликс хмыкает этак неопределённо и кивает... не вдруг. Но хорошо хоть задумывается!

– То-то и оно, – я наконец справляюсь со всеми застёжками, но не лезу пока в кабину самолёта, желая договорить, – Генералы всегда готовятся к прошедшей войне⁴⁰, и ты не исключение!

– Да и я, – отвечаю на незаданный вопрос, – Мы можем только предугадывать, анализировать, просчитывать стратегию на основе имеющихся у нас знаний. Проблема в том, что даже самые лучшие военачальники основой стратегии делают не имеющиеся знания, а имеющийся личный опыт! Сознательно или подсознательно, не важно.

---

⁴⁰ Слова Черчилля.

– Мишка говорит, – вставляю для пущей убедительности авторитет брата, – что даже штабного офицера отучить думать шаблонно крайне сложно. Чу-уточку самую если человек может творчески мыслить, своё что-то придумывать, так уже – ценность! Только вот не все эту ценность понимают, н-да... даже среди штабных.

– Есть у офицера какой-то положительный опыт, так везде его пихать и будет! – продолжаю я, и Феликс, усмехнувшись чему-то своему, кивает согласно, – Не всегда собственный даже – бывает иногда, что лекция особенно яркая была, или преподаватель харизматичный, и всё... В голову врывается военная наука времён Цезаря, и хоть ты тресни! На её основе и строит генерал свои планы. А если современная военная наука не укладывается в прокрустово ложе завоевательных походов Рима, то тем хуже для науки! Подпиливают, подклеивают... но пхают свои представления о должном, а потом – кровью аukaется архаичность эта старинная!

– Ладно... – слегка утратив запал, хлопаю его по плечу и одеваю шлем, – Вижу, сейчас ты задумался о моих словах, но то ли не переварил ещё, то ли подсознательно не согласен. Может, в воздухе понятней будет. Полезли!

Держинский по стремяночке весьма ловко забрался на место пилота, а я в кои-то веки уселся сзади, пассажиром. Неуютно, слов нет!

Раскрутив винт, механик отскочил и помахал рукой. Отмашка в ответ, и Феликс начал выруливать от ангара на лёт-

ное поле.

Сию как на иголках, всё-то хочется поправить, подсказать... С каким трудом удерживаюсь, словами и не передать! Я ж впервые пассажиром-то, всё время за штурвалом сидел.

В учебных аэропланах система управления дублированная, и я, даже когда сидел сзади, всегда мог перехватить управление, а то и вовсе – заблокировать курсанту саму возможность сделать какую-то глупость! А здесь...

"– Ладно... – нервно отозвалось подсознание, – живы будем, не помрём!" – и подкинуло виденье парашюта! И это мы ещё не взлетели...

Короткий разбег, взлёт, аэроплан Дзержинского присоединился к основной группе, и мы полетели до условленной точки. Долетев до приметной красноватой скалы, торчащей на плоской равнине гнилым зубом, разделились на три двойки и полетели разными маршрутами.

– Как слышно? Приём! – осведомляюсь у Феликса через переговорную трубу, постучав предварительно по мембране-звоночку. Так себе... эрзац-решение, но всё лучше, чем орать изо всех сил, надрывая голос, или расстёгивать ремни и привставать, хлопая пилота по плечу и перегибаясь через переборку ради привлечения внимания.

– Слышно хорошо, – не сразу отозвался тот из трубки искажённым голосом, – Приём...

Поглядывая то и дело вниз, сверяюсь с картой и провожу на бумаге линию маршрута, делая рядышком особые по-

метки. Точность карты, мягко говоря, вызывает сомнения, но для Африки это нормально. Здесь полным-полно территорий, куда не ступала нога не то что белого, но и чёрного человека! Может быть и "не вообще", но уж точно – веками!

Матабелеленд сплошная "терра инкогнита", и если за всю писаную историю здесь прошло с полсотни белых, я буду удивлён. Путешественников, геологов, военных и прочих, кто озаботился хоть какими-то географическими изысками, уровня хотя бы "два лаптя правее солнышка" и "У Кривого ручья направо, дальше спросить Н'Коси", дай Бог, человек десять из них!

Ситуацию несколько выправляет то, что с некоторых пор Коля является гордым обладателем аэроплана и проводит регулярные облёты местности. Другое дело, что забот у владельца плантации по самое горлышко и ещё чуть, да и пилот из него аховый. Освоил взлёт-посадку, простейшие ремонтные работы, и всё на этом. На штурманское дело, даже на самые азы, не хватило ни времени, ни (что важнее) желания.

Так что поправки в "карте от Коли" имеются, но соответствующего уровня. К примеру...

... у него не хватило опыта понять, что ориентиры сезонного уровня, вроде сухих рек, наполняемых водой в период дождей, вносить на карту необходимо, но с соответствующими правками рядом. И уж точно – не стоит делать этот ориентир центральным!

Управление преимущественно на автопилоте, Феликс

точно также делает пометки на карте. Иногда он снижается, или даёт крен вправо-влево, желая рассмотреть поближе какой-нибудь ориентир. Логику его действия я не всегда могу понять, и боюсь, штурман из него аховый...

Конечно, генералу не обязательно заниматься воздушной разведкой, и скорее даже – противопоказано. Но! Всегда остаются те моменты, когда военачальнику нужно самому оценить ситуацию с воздуха, и здесь нужно не просто уметь летать и пялиться вниз, но и видеть!

С высоты многое искажается но...

... молчу.

Пролетев по маршруту до условленного места, коим служила очередная красноватая скала причудливой формы, приземлились. Наземная команда из полудюжины лопающихся от гордости матабеле в старой униформе ЮАС и одного бастера-главнюка, помогла закатить "Фениксы" под навес и провести техобслуживание.

Ох, как громко это звучит... Но к сожалению, дальше "принеси-подай..." они не освоили ничего, а уже – каста! Чувство собственной важности переполняет их настолько, что ещё чуть, и взлетят, как воздушные шарiki.

Это черта, свойственная многим африканским народам – стоит им возвыситься хоть немного над соплеменниками, как они решительно перестают учить новое, воспринимая свои знания как что-то жреческое, тайное, окутанное мистическими ритуалами. Даже прокручивание кривой рукоятки

стартёра сопровождается у них массой ненужных ритуальных сложностей.

Почтительно удалившись подальше, дабы не мешать нам, матабеле устроились на часах, то бишь позируя в героических позах на интересном фоне, в страстной надежде на фотографирование. С лёгкой руки Коли, для нгуни оно стало одним из важных признаков социальной значимости.

Бастер, смешливый молодой полукровка с совершенно европейским воспитанием, только усмехнулся при взгляде на подчинённых. Устроившись в паре десятков метров от нас, в тени каких-то колючих деревьев, он беззаботно жевал травинку, поглядывая иногда в нашу сторону.

Мы же сели на брёвнышках под треугольным полотняным навесом. На спиртовке, трудами бастера, уже вскипает огромный медный чайник. Бляйшман зашуршал разворачиваемым шоколадом, и Владимир Алексеевич требовательно протянул руку за своей долей.

Несколько минут сидели почти молча, иногда только подавая реплики, да отвечая междометиями, отхлёбывая чай, да шурша шоколадом и бисквитом. Потом с плоского камня, служившего нам столом, смахнули крошки, и я расстелил карты с пометками, мельком проглядев их и оставшись недовольным.

– Господа военачальники... – привлёк я внимание, – извольте не обижаться.

– О-о... – протянул дядя Гиляй с тоскливым видом гим-

назиста, который сломал себе мозг, делая уроки, и тут выяснилось вдруг, что не то и не так!

– Всех касается, – я неумолим, – но раз уж летел с Феликсом, с тебя и начну...

Развернув его карту, кладу рядом со своей, и шляхтич досадливо закусил губу, видя разницу сильно не в свою пользу. Но я неумолим...

Разношу его деликатно, выбирая выражения...

... заранее заготовленные и отрепетированные, вплоть до пауз, жестов, интонаций и возможных ответов.

Дзержинский краснеет, бледнеет, кусает губу, но я с настойчивостью бульдога пережёвываю каждую его ошибку. Мне и самому решительно неловко, отчего поляку становится вдвойне горше.

Шляхетский гонор, помноженный на чуткость человека совестливого, не даст ему забыть ни сам разнос, ни тем более – то мучительное ощущение, с которым я устраиваю ему выговор. Человек он порядочный и умный, и не может не видеть моих красных ушей, запинок и общего впечатления того, что я с превеликим удовольствием обошёл бы без подобных сцен!

– ... пан Щенсны, как вы можете объяснить отсутствие на вашей карте столь крупных ориентиров, как скальный гребень, хотя и невысокий, но решительным образом непроходимый для транспорта?

Мне и в самом деле стыдно! Отчасти – потому, что я

не любитель подобных сцен. Отчасти – потому что многие ошибки его прямо-таки смехотворны и напрашиваются в учебники – как эталон того как делать не надо.

... а отчасти – потому, что спровоцировал эту ситуацию – я! Все эти детские ошибки, снисходительные улыбки профессионала, не нуждающегося в объяснениях... я!

С Владимиром Алексеевичем общаемся мы почти каждый день, так что бывшего опекуна я знаю так хорошо, насколько это вообще возможно. Приходилось пару раз выслушивать даже откровения интимного характера по пьяной лавочке... Вот уж без чего я решительно бы обошёлся!

Человек он тщеславный и самолюбивый, но в Российской Империи его звёздной болезни не давала разыгаться суровая российская действительность, в коей дядя Гиляй был хотя и не пешкой, но уж точно не ферзём! Церковь, власти... да и супруга, Царствие ей Небесное, удерживала мужа на земле.

Здесь, в Дурбане, первое время якорем служила болезнь Нади, но как только она уверенно пошла на поправку, рецидивы звёздной болезни стали приключаться с Владимиром Алексеевичем всё чаще. В принципе, ничего страшного, далеко его "болезнь" не заходит, и наткнувшись на колючую действительность, эго бывшего опекуна сдувается до приемлемых размеров.

Вот только одно дело – эго обычного, хотя и именитого репортёра, и совсем другое – городского головы в преддвe-

рии войны! В таком разе невнимание к мелочам и ощущение непогрешимости могут аукнуться слишком многим.

... ну а приглядевшись, я понял, что звёздная болезнь охватила многих из нас.

Мишке хватило всего одного памятного разговора, а ради прочих пришлось разрабатывать психологические этюды по маканию мордой в грязь.

Несложно, на самом-то деле... Стыдно поступать так с друзьями, но именно что сделать – не сложно.

Сперва – подать важную информацию максимально докучливым, неуместным и занудным образом. Но не усердствуя в этом, а выводя всё так, будто это собеседник не желает тебя слушать, и главное – чтобы собеседник сам был в этом уверен!

Например – начать разговор, когда человек пришёл с делового ужина, нафаршированный едой, алкоголем и важной информацией так, что в его голову не впихнётся вообще ничего. Или напротив – пребывая в настроении легкомысленном и игривом. Предвкушающем.

А тут я... жужжу. И слова подбираю так, чтобы внешне – всё правильно, а в голове они ну ничутью не укладывались!

Жестоко по отношению к друзьям? Да! Вот только если Мишке хватило разговора, то с остальными – зась! Время, время и ещё раз время... которого нет ни у меня, ни у них, да ещё – без гарантий.

Потому и решил преподать жестокий, но действенный урок, акцентируя их внимание на важной теме – до болезненности.

– ... пан Щенсны может объяснить... – маканье продолжается, но без формальной издёвки. Я не просто тыкаю его носом, а заставляю вспоминать – как и о чём он думал, совершая ту или иную ошибку. А переход на формально-отстранённую беседу – как бонус к гадотности беседы. Навсегда запомнят!

Бляйшман с Гиляровским, заранее обвиснув мордами и характерами, вникают. Крякают изредка, сочувствуя молодому шляхтичу, сопят... но помалкивают.

Основательно растоптав самолюбие Дзержинского, переключился на дядю Фиму...

– И шо ви можете мне сказать за такую глупость? – осведомляюсь у него, – Я понимаю за хуцпу, как часть национального характера, но это...

Выразительно трясу картой.

– ... если бы я не знал тебе, то подумал бы не за умного человека, а за мишигина⁴¹!

Закончив разнос, помолчал немного, слушая обиженное сопенье.

– Поняли хоть? – осведомляюсь так кротко, как это вообще возможно... что на самом деле – провокация! Я характер бывшего опекуна знаю и от и до, и подобная ласковая кро-

---

⁴¹ Мишигин – придурок (идиш).

тость, да в нужный момент, раззадоривает его пуще прямого вызова.

– Поняли, поняли, – бухтит дядя Гиляй, но так, что мне...
... приходится объяснять ещё раз. Но уже, разумеется, не отдельные ошибки, а своё виденье ситуации.

– Это, – тычу рукой в сторону аэропланов, – сильнейшие наши козыри, и если мы не хотим ввязываться в длительное противостояние, нам нужно разыграть их – правильно! А для этого нужно знать все сильные и слабые стороны авиации. Все!

– Староват я, в пилоты идти, – диссидентствует дядя Гиляй, всё ещё дующийся на меня.

– Пилоты... – вздыхаю еле заметно (и хорошо отрепетировано!) так, чтоб ему было ясно – от мата я удержался с большим трудом!

– Да не пилоты, а военачальники! – тон моего голоса с ноткой безнадежности, – А как вы можете отдавать приказания, если сами толком не понимаете, что можно потребовать от пилота, а что нет? Как вы будете читать результаты аэрофотосъёмки, если вы просто не умеете видеть?

– Надеяться на специалистов... – сам же отвечаю на вопрос и склоняю голову набок, – Так?

Владимир Алексеевич отмалчивается угрюмо, но эта угрюмость с нотками задумчивости.

– А они есть, эти специалисты? – не отстаю я, – А ещё время, господа хорошие... Пока специалист найдётся, пока

расшифрует... понимаете?

– Понимаю, – мрачно отозвался дядя Гиляй, и встав внезапно, стиснул меня в железных (и несколько пропотелых) объятиях, – Ох, Егорка... Спасибо! Всё, всё... прости!

... дальнейший разбор полётов проходил уже нормально, без психологического давления и прочих домашних заготовок. Но теперь уже – с полным осознанием и самоотдачей!

* * *

Дым от пожаров тонкими струйками поднимается к самому небу. Выглядит это так, будто подожгли тысячи ароматических палочек в языческой кумирне, и всё, что происходит сейчас, является своеобразным жертвоприношением неведомому, но несомненно жестокому божеству.

Даже на высоте в сотню, а то и две сотни метров, воздух едкий, с явственным привкусом гари и пепла, разъедающий лёгкие и заставляющий страдальчески перхать. Растительность сейчас, во время сезона дождей, сырая, и в нормальных условиях гореть тут нечему, но у облавной охоты свои правила, и матабеле приготовились загодя.

У каждого нгуни, участвующего в загонной охоте, припасены высушенные пучки травы, скрученные особым образом и дымящие совершенно нещадно. Выстроившись частой цепью, чернокожие размахивают своими дымарами, орут во всю глотку и колотят кто во что горазд. Шум стоит совер-

шенно невероятный, и кажется мне, что некоторые животные погибают просто от разрыва сердца!

Порой тлеющий пучок травы, пущенный меткой рукой, летит в колючий кустарник. Обычно безрезультатно, но иногда разгорается дымный потрескивающий огонь, нехотя крадущийся низом по сырой растительности, чтобы через несколько минут потухнуть окончательно. Дымных очагов такого рода – тысячи-тысяч, и сверху кажется будто горит вся Африка.

Животные сходят с ума от ужаса, и повинувшись инстинктам, спешат покинуть горящий буш. В случаях, когда здравый смысл берёт верх над инстинктами, в дело вступают зулусы, подгоняя хищников и копытных меткими бросками дротиков.

В подходящих местах вырыты огромные ловчие ямы, соединённые с замысловатой изгородью, плетённой из колючего кустарника и ветвей. Изгороди выстроены умело, со знанием дела, образуя настоящий лабиринт, с длинными коридорами и даже тоннелями, с обратной стороны которых стоят опытные охотники и бьют дичь копьями прямо через колючую преграду.

Животных так много, что местами получается настоящая давка, в которой слабые особи падают... и больше не встают. Тысячи копыт втаптывают их в африканскую почву – так, что даже самой голодной и неприхотливой гиене не сыскать себе поживы.

Мелкие антилопы и одиночные особи гибнут, гибнут, гибнут... Но живая река течёт дальше. Сейчас не до вражды, и порой можно увидеть самые причудливые сцены, невозможные в обычное время.

Вот леопард, извернувшийся и каким-то чудом спасшийся из-под копыт, и пытающийся сейчас удержаться на буйволиных спинах. Смертельная эквилибристика длится едва ли не полминуты, после чего хищник, взметнувшись в воздух, в невероятном прыжке преодолевает заграждение!

К нему тотчас же бросается один из воинов нгуни, укрывшись за большим щитом из коровьей шкуры и вооружённый лишь узловатой дубинкой. Короткая, полная драматизма схватка, и леопард падает с проломленной головой, а друзья воина-победителя издают восторженные вопли.

Здесь и сейчас – не просто охота, не массовый забой скота. Это воинский праздник, это жертвоприношение Духам земли, которая ещё недавно была – чужой!

Обильно поливая землю кровью, матабеле кормят духов, богов и божков, тем самым как бы нанимая их на службу. Льётся кровь не только животных, но и людей. Не один и не два воина матабеле уйдут сегодня к предкам, и по мнению нгуни – это хорошая смерть! Достойная.

Сцены такого рода я сегодня наблюдаю десятками, а сколько сегодня будет отснято киноплёнки и сделано фотографий! Документы жестокой уходящей эпохи...

Поднявшись повыше, наблюдаю разрыв в цепи загон-

щиков, и покачав крылами, привлекая к себе внимание нескольких пилотов. Вираз... и я со снижением пошёл на штурмовку стада буйволов, прорвавших колючую изгородь!

Коста, сидящий позади с пулемётом, щедро полоснул одной длинной очередью, и могучие быки, бегущие в передних рядах, полетели через головы, будто налетев на спрятанную в траве стальную проволоку. Тотчас же образовался затор, и я, заложив вираз, зашёл с другой стороны. В этот раз грек стрелял редко, экономя патроны, и очевидно, пытаюсь просчитывать ситуацию тактически.

"– Надо было ставить синхронизатор!" – выплыла в голове мысль, полная кровавого азарта, и я задвинул я её назад. Не время... Синхронизаторы давно испытаны и лежат на складах. Имеются подготовленные инструктора, механики и прочие, так что как только придёт час, они поступят в войска в считанные часы! А пока...

... мы просто отрабатывает штурмовку пехотной колонны!

Отрабатываем не тонкости, а сам принцип, и так – чтобы в головы командантов и фехт-генералов эти самые принципы легли намертво. Наглядно. Не сотни объяснений, пусть даже сто раз верных и подтверждённых расчётами, а вот этой бойней, которую они творят сейчас сами, своими руками.

Всё, я снова наверх...

... но рёв испуганного скота слышится даже здесь, в небесах. Рёв скота, топот десятков тысяч копыт, от которых со-

дрогаются земля...

... и запах. Я пропитался запахом бойни, от которой выворачивает нутро.

Кажется, уж я-то должен быть привычен к такому! Ан нет... скотину жальче.

К британцам жалости не было, как собственно и вражды. Так... глухая досада на ненужную лично мне войну. Да, потом эта война обернулась прибытками, Русскими Кантонами и... случись мне вернуться назад, я не стал бы поступать иначе!

А животных – жаль... Всё-то кажется, что я не подумал что-то, поленился выделить ресурсы для мозга, а решил по-простому – декалитрами скотской крови простимулировать...

Залетев повыше, обозрел ситуацию с высоты. В воздухе сейчас примерно половина аэропланов, даже скорее чуть поменьше. Экипажи сдвоенные, да и началась охота с раннего утра, так что удивительно даже, как мало летательных аппаратов на дозаправке или на неизбежном мелком ремонте.

Несколько часов полёта – уже не самое простое испытание, а уж летать на самых малых скоростях, до рези в глазах вглядываясь вниз и не забывая о взаимодействии с другими пилотами – задачка, непосильная большинству европейских пилотов.

Я нисколько не умаляю их лётные качества, но специфика полётов именно в Африке такова, что здесь не всегда воз-

можно сориентироваться по карте или скажем – снизившись возле железнодорожной станции и прочитав на лету название. Так что азы штурманского дела и привычка цепляться глазами за рельеф местности въедается достаточно быстро.

Да и расстояния... Для большинства европейцев, не считая редких покамест почтовых курьеров да любителей устанавливать рекорды дальности, перелёт на пару сотен вёрст в диковинку.

Военные пилоты обычно сопровождают пехоту на марше во время маневров, садясь то и дело возле штабного автомобиля и принимая документы, дабы сбросить их в нескольких верстах в руки командиру полка. Ещё, пожалуй, тренируются стрелять из пулемёта и сбрасывать флешетты, и вовсе уж редко армейцы отрабатывают что-то иное, не столь тривиальное.

Пилоты гражданские в большинстве своём состоятельные дворяне и буржуа, занимающиеся лихачеством в меру сил и фантазии, да катающие дам на пикниках. Ещё, пожалуй, немногочисленные "извозчики", купившие аэроплан на последние деньги, а то и в кредит, и занимающееся ярмарочными увеселениями публики попроще.

А у африканеров и жителей колоний, независимо от национальной принадлежности и гражданства, отношение к аэропланам пусть и не без романтических ноток, но вполне утилитарное. Рекорды дальности, полёты в сложных метеорологических условиях и тому подобные вещи как-то сами набе-

гают, без какого-либо желания впечатлить публику.

Читаю иногда европейские газеты, с заметками о графе N, установившем очередной рекорд дальности, или совершившем полёт среди гор, и смешок сам собой пробивается. Там – рекорд, а у нас – обыденность, потому как поместье у ино-го африканера с четверть Бельгии, а за хозяйством присмотр нужён!

Благо, по какому-то выверту британской политики, в Кап-ской колонии аэропланов и десятка не наберётся в частных руках, военных же и вовсе нет. Всё собственно британское производство под контролем военного ведомства, равно как и централизованные закупки в третьих странах.

Даже если и захочет житель колонии приобрести аэроплан на собственные средства не в Британии, купить его напря-мую не так-то просто. Франция, равно как и Германия с Ав-стрией, аэропланы враждебной стороне продавать запрети-ли, а через посредников получается мало того, что дорого, так ещё и идиотизм собственной бюрократии вставляет пал-ки в колёса.

Как несложно догадаться, я нисколько не расстроен тем фактом, что британцы, да и не только они, не понимают пока возможностей авиации. Это козырь, фактически даже Джо-кер...

"– Как хорошо владеть послезнанием..." – мяукнуло под-сознание.

... осталось только правильно разыграть партию. С одной

стороны – противник должен пребывать в заблуждении и бродить в темноте своего невежества до самого последнего момента. С другой – надо вдолбить понимание авиации в своих.

... и как мне, чёрт возьми, соблюсти этот баланс?!

– Ладно... – говорю неведомо для кого, облизывая тут же заветрившиеся губы. А в голове всё бьётся набатом, что так – неправильно! Всё неправильно...

Дурость какая-то. С духами, жертвоприношением и воинским ристалищем. А мы – из пулемётов...

"– Судьба возьмёт своё..." – вылезло из подсознания, и я глухо заматерился, в бессильной ярости выплёвывая ветру ругательства на полутора десятке языков.

– Возьмёт... – снова говорю вслух неведомо для кого. Решившись, стучу по мембране, и вытащив пробку из переговорной трубки, запрашиваю Косту.

– Как слышно? Приём...

– Слышно нормально, – не сразу отзывается грек, голос которого искажён трубой почти до полной неузнаваемости, – Приём.

– Передаю командование Чижу и снижаюсь, – деловито сообщаю ему, – Приём!

– Командование Чижу и снижаемся, – повторяет Коста.

Несколькими условленными виражами привлекаю к себе внимания находящихся в воздухе пилотов, после чего Коста флажками семафорит о передаче командования.

— Бред, ну бред же... — отзывается альтер-эго, и я будто чувствую свою-чужую зубную боль.

С вырвиглазного "Феникса" Саньки отсемафорили о принятии командования, а я решительно пошёл на посадку. Сделав несколько кругов, сел на ровную площадку неподалёку от изгороди и решительно выпрыгнул из кабинки аэроплана.

— Поссать? — светски осведомился Коста, прыгая на землю и разминаясь.

— Ну... — прислушиваюсь к позывам организма, — и это тоже.

Сливать излишки жидкости под любопытными взглядами кафров то ещё испытание. Нгуни по своему, на свой африканский манер, народ очень благородный, но десятки глаз, заинтересованно пялящихся в спину, ощущались едва ли не физически.

Постояв затем возле изгороди и перекатываясь с носка на пятку, я решительно расстегнул куртку и скинул на руки смутно знакомому воину, просиявшему от оказанной чести.

— Чести... — фыркнуло подсознание, — давно ли корочку плесневелую за счастье считал, Большой Белый Вождь?"

Хмыкнув смущённо, прошёлся вдоль ограждения, выстроенного так, чтобы опираться на рельеф местности и имеющуюся растительность. Переплетение колючих ветвей густое, и вместе с листвой они вполне надёжно закрывают нас от взглядов животных, лишь местами оставлено нечто вроде бойниц, через которые охотники бьют зверей тяжёлыми

копьями.

Не приближаясь к бойницам, дабы не мешать охотникам, попробовал разглядеть что-либо через переплетение ветвей, но увидел лишь мозаику из чьих-то шкур, рогов и копыт. Нгуни не мешали моим исследованиям, скорее им польстило уважительное внимание белого вождя.

Стадо буйволов, голов около двухсот, перевалило через холм и встало, как вкопанное. Впереди вожаки и матёрые самцы, высоко задравшие головы, что у меня почему-то ассоциировалось с вызовом на бой.

Здесь, на земле, это выглядит совершенно иначе, чем с воздуха. Это не синематограф и не крохотные фигурки где-то далеко внизу, а опаснейшие животные Африки. Грозные тяжеловесы, моментально приходящие в неистовство, и способные при толике удачи в одиночку отбиться от львиного прайда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.